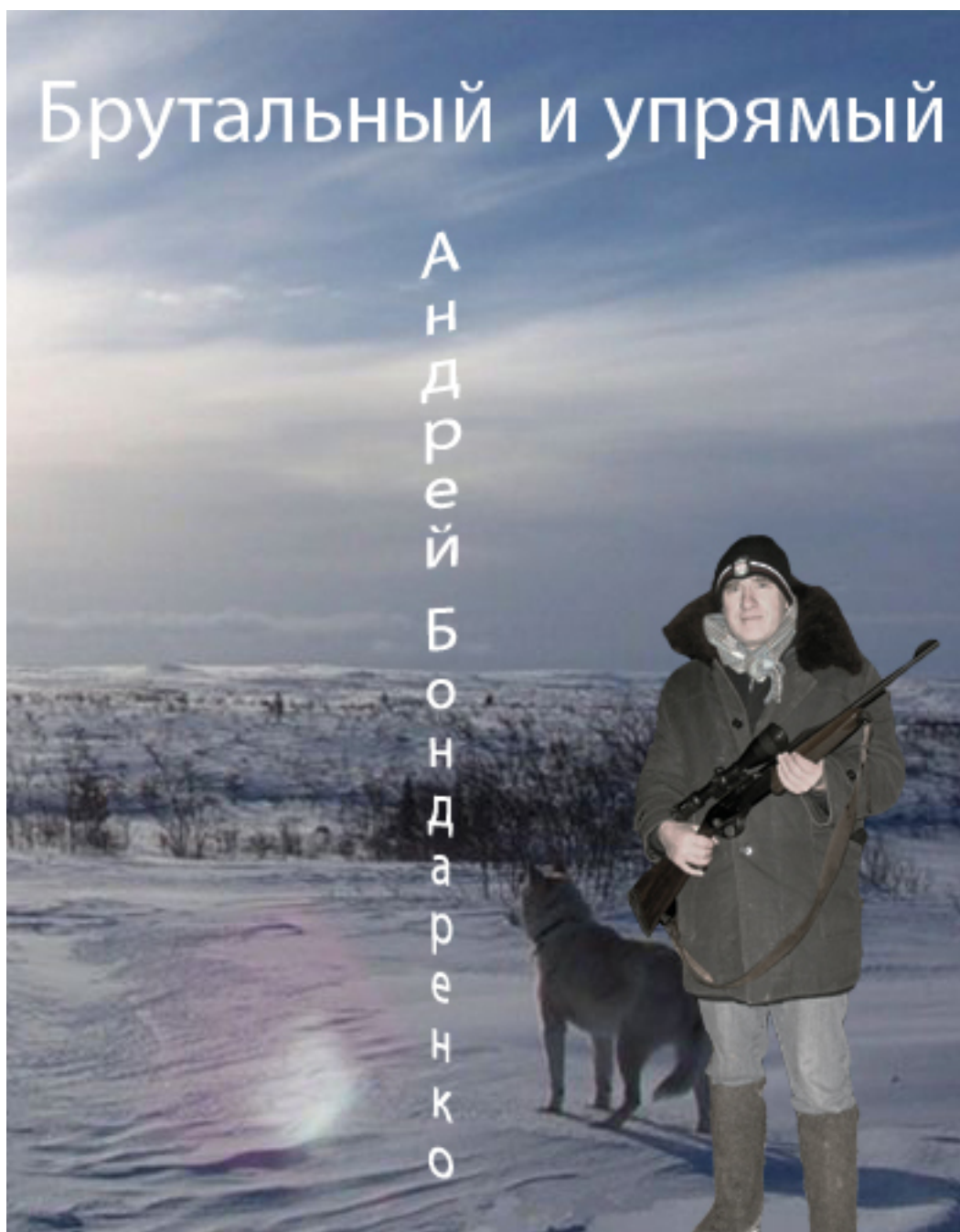

Брутальный и упрямый

А
н
д
р
е
й
Б
о
н
д
а
р
е
н
к
о

На Краю Земли

Андрей Бондаренко
Брутальный и упрямый

«Автор»

2013

Бондаренко А.

Брутальный и упрямый / А. Бондаренко — «Автор», 2013 — (На Краю Земли)

Тим Белофф настолько упрям и брутален, что уже давно и прочно получил заслуженное прозвище – «Брут». Он живёт и работает на Шпицбергене – изучает-охраняет местных северных оленей, белых медведей, многочисленных перелётных птиц и разнообразных морских животных. А ещё Брут мечтает познакомиться с инопланетянами, чьи «летающие тарелки» изредка – по заверениям пожилой норвежки – приземляются в Синей долине. Мечтает и, понятное дело, познакомится...

© Бондаренко А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Миттельшпиль	7
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвёртая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Бондаренко

Брутальный и упрямый

Пролог

– Хорошо выглядите, молодёжь, – ободрил Координатор. – В том плане, что в полном соответствии со строгими экспедиционными инструкциями. И причёски соответствующие. И обувь-одежда. И выражения лиц. Молодцы. Хвалю.

– Мы старались, – легкомысленно усмехнулась молодая женщина. – Правда, теперь я Златана – без его модной лохматой бородки – как-то по-другому воспринимаю.

– Что такое? – седые кустистые брови пожилого мужчины насторожённо приподнялись.

– Ну, в плане интимной близости, – слегка засмутился мужчина. – Аврора говорит, что моя борода – в определённые моменты – её здорово заводила. А теперь, когда мне пришлось сбрить растительность на подбородке..., ну, вы же понимаете...

– Совсем с ума сошли. Окончательно. Разгильдяи законченные.... Может, стоит отменить ваше путешествие?

– Но, собственно, почему?

– Потому, молодёжь, – рассерженный взгляд Координатора отливал воронёной сталью. – Какие ещё – Златан и Аврора? Вам же было чётко велено – выучить экспедиционные легенды наизуток. Было – велено?

– Было.

– Выучили?

– Так точно, – покаянно вздохнул молодой человек. – Меня зовут – Том Смит. Американский юрист, подающий большие надежды. То есть, модный адвокат по бракоразводным процессам. Совладелец небольшой, но достаточно известной профильной компании. Проживаю в курортном городке Санкт-Петербурге, штат Флорида.

– Джесси Ренгольц-Перешь, – манерно изобразив лёгкий вежливый книксен, представилась женщина. – Вернее, с недавних пор – Джесси Смит. Законная супруга этого обаятельного и мечтательного оболтуса, возмнившего себя талантливым и гениальным адвокатом. Работаю спасательницей на городском пляже. В своё время входила в юношескую сборную США по плаванию на открытой воде. Кроме того, окончила двухгодичные курсы по антикризисной психологии, иногда работаю с желающими, то есть, провожу соответствующие платные сеансы. В основном, с клиентами фирмы мужа.... Всё, про прошлые имена-фамилии и профессии забыли. Честное слово. Обещаю.

– Ладно, так и быть, прощаю на первый раз, – по-отечески улыбнулся в пышные седые усы Координатор. – А что с остальным? Выучили?

– Всё вызубрили. От корки и до корки, – завершила Джесси. – Что говорить представителям Властей, если произойдёт такая незапланированная встреча. Какие бумаги показывать. Куда и кому звонить – в случае возникновения внештатных и нестандартных ситуаций. Вещи собраны. Документы упакованы.

– Какое главное правило необходимо соблюдать при посещении объекта?

– Вступать в контакты с местным населением и туристами разрешается только в случае крайней необходимости, – дисциплинированно вытянувшись в струнку, доложил Том. – При общении необходимо соблюдать максимальную осторожность. Осторожность – во всех смыслах и ракурсах этого многогранного понятия. Осторожность, осторожность и ещё раз осторожность. Осторожность – без конца и без края...

– Подписали все обязательства по соблюдению режима повышенной секретности? Осознали степень ответственности? Мол, вплоть до пожизненного заключения?

– Так точно. И осознали, и подписали.

– Молодцы. Хвалю. Ладно, можете идти. Счастливой вам дороги, молодёжь. И пусть миссия, возложенная на вас, будет успешно выполнена.... Стойте. Не забудьте, вернувшись, представить мне подробный и развёрнутый отчёт по форме «А-дробь-три». Приложив к нему, естественно, все оговорённые в экспедиционных инструкциях аудио и видео материалы...

Миттельшпиль Середина Игры

Тим, смачно хрустя ржаными солёными сухариками, неторопливо выщедил банку крепкого австралийского пива, перекурил, потом покончил со второй банкой, мельком бросил взгляд на стрелки наручных часов и слегка забеспокоился: – «Без десяти минут девять, а Лиз всё нет. Хотя, что такое – для молоденькой и смазливой вертихвостки – двадцать минут опоздания? Так, ничего особенного. Обычная практика, надо понимать.... А с другой стороны, дело, которым мы сейчас совместно занимаемся, может быть весьма опасным. То бишь, с неприятными побочными моментами. Да я, собственно, и не за девицу беспокоюсь, а за напарницу. Не более того. Точка.... Позвонить ей на мобильный? Пожалуй, не стоит. В том плане, что у меня нет даже малейшего желания – давать повод для колких реплик и язвительных насмешек.... Эх, липучка рыжая. Навязалась, понимаешь, на мою брутальную голову...».

Он вышел из ресторана, мельком огляделся по сторонам и закурил. Над городом безраздельно царил призрачно-светлый полусумрак: закатное солнышко откровенно ленилось и поэтому пряталось в низких кучевых облаках, легендарные «белые» ночи ещё только приближались, со стороны моря упрямо напознала лёгкая туманная дымка, а уличные фонари в Лонгвире по майскому расписанию (о, знаменитая норвежская бережливость!), зажигали только в десять вечера.

Справа мелькнула подозрительная тёмно-серая тень, из-за угла ближайшего здания послышались неразборчивые тревожные звуки.

Тим, выругавшись про себя и отбросив недокурную сигарету в сторону, бросился вперёд, завернул за угол и...

Почувствовав спинным мозгом какое-то мимолётное движение над головой, он резко отпрянул в сторону. Бейсбольная бита, задев вскользь правое плечо, с хищным свистом рассекла воздух.

Отточенный пирует, удар, пирует, выставленный блок, удар, ещё один. Бойкий перестук – это бита, выпавшая из ослабевших рук нападавшего, покатила по мостовой...

Их было трое – в неприметных весенних одеждах и с чёрными масками на лицах. Тот, что выронил биту, неподвижно лежал на тротуаре, безвольно раскинув-разбросав руки и ноги в стороны. А двое других, тоже уже получивших по увесистому удару, выжидательно застыли в сторонке. Один, неловко смахнув рукавом замшевой куртки кровавую юшку с подбородка, грязно и длинно выругался. А второй, нерешительно кашлянув, вытащил из кармана брюк какой-то небольшой продолговатый предмет.

– Щёлк! – угрожающе выскакивая из ручки, звонко оповестило светлое лезвие выкидного ножа, мол: – «Порежу, напишу и всё такое прочее...».

Тим, оскалив зубы, рыкнул – совсем и негромко, но с чувством, толком и расстановкой. Что называется, от всей брутальной Души.

– Цок-цок-цок, – пропели, встречаясь с мостовой, каблуки убежавших. – Цок-цок-цок...

– Деятели хреновы, – насмешливо пробормотал Тим. – Охреневшие в неумелой атаке.

Он, не теряя времени, подхватил под мышки незадачливого обладателя бейсбольной биты, аккуратно прислонил безвольное тело спиной к кирпичной стене дома, одним резким движением сорвал с лица нападавшего чёрную магазинную маску и, довольно вздохнув, прокомментировал:

– Утренний таксист, как, впрочем, и следовало ожидать...

Глава первая

Бодрое утро в Нью-Олесунне

Тиму – на всём белом Свете – были дороги всего четыре вещи: пятилетний сибирский хаски¹ по кличке – «Клык», коллекционный винчестер марки – «Winchester Model 1912 (1934)» двадцать восьмого калибра, светлое пиво повышенной крепости и мотодельтаплан личной конструкции.

Впрочем, «личной конструкции» – сказано с большой степенью преувеличения. Изначально это был стандартный двухместный «Bidulm-50» класса E-16. Тим, не меняя формы крыла, только установил на раму летательного аппарата новый семидесяти сильный немецкий двигатель, поменял шасси-колёсики на пластиковый двухкорпусной катамаран и кардинально переделал-модернизировал переднее кресло.

С чем были связаны такие серьёзные конструктивные изменения?

Во-первых, французский движок в пятьдесят лошадиных сил откровенно не годился для сложных природно-климатических условий Шпицбергена. Не, в ясную и тихую погоду он тянул исправно, без всяческих сбоев и отказов. Но где же она, эта ясная погода, если на островах архипелага – в среднем за месяц – случается до двадцати туманных и пасмурных дней? Да и местные туманы – нечета всяким там европейским, да и всем прочим. Туманы Шпицбергена, доложу я вам, это нечто: вязкие, плотные, многослойные, иногда явственно пульсирующие – словно живые. И, кроме всего прочего, разноцветные: сиреневые, розовые, лиловые, густо-фиолетовые, светло-жёлтые, голубоватые. А ещё и серые кучевые облака – постоянно и коварно – так и норовят опуститься с небес, полностью поглощая-окутывая горные скалистые вершины и вечные ледники, не доходя до тундровых болотистых равнин всего-то метров на сто с небольшим. Короче говоря, дополнительные лошадиные силы в такой непредсказуемой обстановке никогда не будут лишними.

Та же история и с заменой колёс на пластиковый катамаран. Для того чтобы резиновые колёсики беспрепятственно крутились, нужна ровная и твёрдая площадка. А с этим, как раз, на архипелаге наблюдались существенные трудности-сложности. То бишь, имели место быть сплошные скалистые нагорья, бугристые ледники, сланцевые россыпи да вязкая болотистая тундра. Где они – твёрдые и ровные площадки? Ау! Нет ответа.... Зато различных водных поверхностей здесь было в избытке: морские бухты и заливчики, длинные и извилистые фьорды, тундровые озёра, мелкие речные разливы. Садись – не хочу. Если, понятное дело, твой летательный аппарат является гидропланом.

Теперь про переделку переднего кресла. Как, скажите, закрепить на кресле, предназначенном для человеческого зада, собаку? Пусть и достаточно крупную? Причём, надёжно закрепить? И чтобы – при этом – означенному псу было удобно и комфортно? Правильно, очень трудно. Практически невозможно. Поэтому Тим кресло и переделал. Вернее, старое снял и заскладировал в ангаре, а на его место установил новое, изготовленное вручную – по тщательно снятым меркам и собственным чертежам.

Зачем Тим брал с собой в полёты хвостатого Клыка? И куда, вообще, он летал?

Начну, пожалуй, со второго вопроса. Тим Беловф летал на работу. То есть, по важным и неотложным делам, непосредственно связанным с его служебной деятельностью. А трудился он в должности – «старшего инспектора по охране дикой природы». Обязанности? Элементарные.

¹ – Сибирский хаски – порода собак, заводская специализированная порода, полученная американскими кинологами в 30-х годах двадцатого века как ездовая собака, используя аборигенных собак с русского Дальнего Востока, в основном с Анадыря, Колымы и Камчатки, принадлежавших местным оседлым приморским народам – юкагирам, керекам и азиатским эскимосам. Эта аборигенная ездовая собака русского Дальнего Востока является одной из древнейших пород собак.

Во-первых, бдительно и неустанно охранять дикую природу. Во-вторых, старательно и пристально наблюдать за туристами, регулярно посещавшими семь Национальных парков, организованных на Западном Шпицбергене, то есть, на главном острове архипелага. Дабы означенные легкомысленные туристы не нарушали строгих и жёстких правил посещения. В-третьих, целенаправленно и безжалостно бороться с бесстыжими браконьерами, которые редко, но, всё же, проявляли себя.

Теперь по псу. Ну, не любил Тим надолго расставаться с единственным и закадычным другом-приятелем. С единственным? Да, с единственным. Так, вот, получилось...

Вообще-то, к Тиму на Шпицбергене относились не плохо. То есть, уважали, ценили и прислушивались. А некоторые островные индивидуумы (с мутными и нечистоплотными наклонностями), даже откровенно побаивались. И не на пустом месте, надо признать, побаивались – уже были зафиксированы прецеденты, в результате которых образовывались качественные синяки под глазами, образцово-рассечённые брови и выбитые зубы. У побаивающихся и мутных, понятное дело, образовывались.

Инспектор Белофф на архипелаге слыл: нелюдимым, честным, язвительным, странным, немногословным, хмурым, отважным, жёстким, насмешливым, неприхотливым, желчным, справедливым, бесконечно-упрямым, чудаковатым, непреклонным, ехидным, суровым, не в меру прямым и не от мира сего.... Короче говоря, брутальным – до полной и нескончаемой невозможности. То бишь, до мозга костей. Отсюда и однозначно-заслуженное прозвище – «Брут».

Островные же девушки и женщины считали Тима – в дополнении к вышеперечисленному – привлекательным, симпатичным, интересным, харизматичным и даже весьма сексуальным. Более того, собравшись – скучными зимними вечерами – тёплой компанией, они обожали (многими, заметьте, тёплыми компаниями), перемывать странному и нетипичному инспектору его многотрадные брутальные косточки.

Примерно в следующем ключе:

– Такой красавчик и душа, слов нет. Брутальный-брутальный. Таинственный-таинственный. Дерзкий-дерзкий. Независимый-независимый.... Как будто бы – прямо позавчера – сошёл с киноплёнок славных голливудских блокбастеров.

– Это точно. Вылитый Брюс Уиллис, многократный и заслуженный спаситель Мира.

– Ага. Только значительно моложе и росточком чуток повыше. А вместо «брюсовских» мужественных залысин – не менее мужественный белобрысый ёжик. Колючий-колючий, наверное.... Только, вот, на наш прекрасный женский пол противный Брут никакого внимания не обращает. Ни малейшего. Сволочь брутальная и бессердечная...

– Может, он – голубой? В том смысле, что гей?

– Ну, подруга, ты и сказала.... Ха-ха-ха! Ляпнуть такое. Я сейчас, честное слово, опишусь. Гея, тоже мне, нашла.... Ха-ха-ха!

– А, что такого?

– Рассказываю. В прошлом году мой Гарольд летал – через Осло – в голландский Амстердам. Родственников посещал с визитом вежливости. Его младшую сестрёнку Хильду угодило выйти замуж за голландца. Учудила, право слово, пигалица рыжеволосая. Теперь, конечно, локотки кусает от досады. Больно уж эти голландцы беспокойные, суетливые, капризные, непредсказуемые и непостоянные. Из серии – семь пятниц на неделе. И в бытовом плане, и, главное, в сексуальном. Привередливые – не приведи Бог. И это им – не так, и так, понимаешь, не сак. Извращенцы длинноногие.... Впрочем, дело совсем и не в этом. Рассказываю. Идёт, значит, мой Гарольд по Амстердаму, пересекая – наискосок – район Де-Валлетес...

– Тот самый райончик, по которому проходит знаменито-развратная улица Красных Фонарей?

– Ну, да. Его.... А чего это, коровы хмельные и толстомясые, вы так язвительно и глупо хихикаете? Мой муженёк, как уже и было сказано выше, просто-напросто пересекал этот нехороший Де-Валлетьес. Пе-ре-се-кал. Угол, так сказать, срезал, направляясь в гости к любимой сестрёнке. А вам, дуры похотливые, всё только хихоньки да хаханьки. Утомонитесь уже, фантазёрки недоделанные.... Итак, идёт это Гарольд по известной вам улице. Меланхолично насвистывает мелодию норвежского гимна, курит и с любопытством (но без похоти!), озирается по сторонам. Чес слово, без похоти. Совсем. Заканчивайте ржать, кобылищи островные.... Глядь, а из дверей одного публичного заведения Брут – собственной брутальной персоной – выгребает. Довольный такой весь из себя, умиротворённый и смазливый девицами облепленный со всех сторон. Теми самыми девицами, понятное дело, которые трудятся по самой древней на нашей Земле профессии. Мол, вывалили – всем кагалом размалёванным – проводить щедрого и эксклюзивного клиента. Лопочат, кудахчат, воркуют, хихикают, восторгаются и благодарят, бестолково перебивая друг друга.... А муж-то у меня – не промах. Ни какой-нибудь там шведский, финский или датский простак. Дождался, когда Брут отчалит подальше, да и подошёл к развратным барышням с наводящими вопросами. Мол: – «Кто, что, зачем, почему и почём?». Ну, болтливые проститутки ему всё и рассказали-поведали. Выяснилось, что один раз в году, во время обязательного служебного отпуска (в ЮНЕСКО с этим строго: хочешь, не хочешь, а отгулять отпуск обязан), Брюс прилетает в Амстердам и целый месяц шляется по местным борделям-притонам, с усердием пользуясь тамошних весёлых и отвязанных гетер. Подчёркиваю, с немалым усердием и искренним прилежанием. Благо, по утверждениям девиц облегчённого поведения, мужской силой он, отнюдь, не обделён....

– А как же Клык? Неужели наш брутальный герой оставляет своего верного пса на архипелаге? В одиночестве и тоске? Без присмотра и дружеского общения?

– Скажешь тоже, подруга. Разве можно – бросать закадычного дружка? Фи. Это же откровенный и пошлый моветон. Они, конечно же, вместе отдыхают, развлекаются и отрываются. Говорят, что в бесконечно-толерантном Амстердаме и собачьи бордели имеются. Причём, оборудованные с шиком, лоском и размахом.... Что ещё за «хи-хи»? Я вам, тюленихам в человеческом обличье, чистую правду излагаю, без подколов дурацких. Двухногий кобель кобелирует в одних профильных местах, а четвероногий – в других.... А потом, от души отдохнув и вдоволь накувыркавшись, они возвращаются в Нью-Олесунн. Ходят упорные слухи, что нынче голландский Амстердам буквально-таки наводнён хасками-полукровками....

Наступило майское погожее утро – небо было бездонным, ярко-голубым и безоблачным, плотный вечерний туман за ночь полностью рассеялся, юго-западный ленивый ветерок дул еле-еле, даже температура окружающего воздуха была плюсовой.

– Целых два градуса выше нуля, – мельком взглянув на термометр, прикрепленный за стеклом к оконной раме, сообщил Тим. – Шик, блеск и красота молоденьких голландских куртизанок. Точка.

– Гав! – радостно поддержал пёс. – Гав-в!

– Следовательно – что?

– Гав?

– Следовательно, полетаем от души.

– Гав! Гав! Гав-в-в!

Сборы были недолгими: туалетные процедуры, пятнадцатиминутный комплекс нехитрых физических упражнений, контрастный душ и плотный, как и полагается, завтрак.

Плотный – это как?

Для особо любопытных и въедливых, так и быть, поясняю.

Тим отварил и съел, запивая чёрным крепким кофе без молока и сахара, с полсотни пельменей. Он, будучи русским по рождению (переехал с родителями из России на ПМЖ в Канаду

в тринадцатилетнем возрасте), их обожал и, более того, сам лепил: штук по пятьсот-семьсот сразу, помещал в морозилку, а потом – по мере надобности – извлекал по частям и отваривал. Мука, куриные яйца, вода, лук, чёрный молотый перец, соль, олений и свиной фарш в равных пропорциях. Совершенно ничего хитрого.... Олений фарш? Ну, да. Ещё зимой, приобретя льготную лицензию, Тим застрелил старого северного оленя. Застрелил, умело освежевал, разделал, перевёз на снегоходе все съедобные части в посёлок и отправил их в морозильную камеру.... Инспектор по охране дикой природы – охотится? Есть такое дело. Но, заметьте, только на пожилых северных оленях, которые и без того обречены на скорую смерть от старости, и только в рамках выделенных законных квот.... Дело в том, что северных оленей на островах Шпицбергена (самых низкорослых северных оленей в Мире), проживает достаточно много. Иногда они, как и предначертано матерью-природой, умирают естественной смертью. И белые медведи, привлечённые острым запахом мертвечины, отходят от побережья. А кому это надо? В том смысле, а кому нужны белые медведи, бесконтрольно шатающиеся по островам архипелага и пугающие мирных туристов? И если бы – только пугающие.... В девятнадцатом и двадцатом веках нападения белых медведей на людей редкостью не являлись. В городке Лонгйир (столица Шпицбергена), в 1995-ом году был даже установлен памятник туристке, погибшей от клыков и когтей разъярённого зверя. Причём, эта кровавая трагедия произошла непосредственно в городской черте. После данного происшествия и было принято мудрое Законодательное решение: загодя избавляться – по мере возможности – от престарелых и больных северных оленей. Дабы вечно-голодные белые медведи могли бы отыскать продовольствие только на морском побережье...

Клык же, плотоядно урча, умял два больших куска сырой моржатины, размороженных ещё с вечера. И моржа – тоже Брут? Ну, да. С месяц назад молодая упитанная моржиха, избитая белым медведем, выбралась на берег недалеко от посёлка. Лечить несчастное животное, учитывая серьёзность полученных ран, было бесполезно. Жалко, но пришлось пристрелить. Освежевал, понятное дело, тушу, порубил на куски, отвёз домой и сложил в морозилку. Чай, пригодится и лишним не будет.

Какова же была ёмкость морозильной камеры, установленной в доме Тима? Ровно пять с половиной кубических метра. В самый раз – для серьёзного, несуетливого, рачительного и запасливого человека...

Походный рюкзак был собран ещё с вечера. Предусмотрительность, как известно, самый сильный козырь брутальных и упрямых королей. Поэтому, помыв после завтрака грязную посуду, облачившись в походно-лётный комплект одежды, забросив за спину рюкзак, повесив на правое плечо винчестер, перекинув через шею ремешок видекамеры и достав из холодильника полиэтиленовый пакет с продуктами, он покинул хижину. То бишь, стандартный сборно-щитовой утеплённый домик. Казённый, ко всему прочему.

Покинул, предварительно позвав пса? Нет, Клыка звать не пришлось. Он, похоже, любил летать на мотодельтаплане ничуть не меньше, чем хозяин, и поэтому убежал к складским ангарам первым, как только покончил с поглощением вкусной и питательной моржатины.

Тим, насвистывая под нос что-то однозначно-сурово-брутальное, бодро шагал по одной из двух улочек Нью-Олесунна...

Что ещё за Нью-Олесунн такой? Рассказываю.

Этот населённый пункт, расположенный на острове Западный Шпицберген, является самым северным в Мире общественным поселением и был основан ещё в далёком 1916-ом году одной скромной норвежской компанией. Названия компании, извините, не помню. Основан, естественно, для добычи высококачественного каменного угля. Уголёк – с регулярными перерывами – усердно добывали, добывали, добывали, а потом, в 1963-ем году перестали. В основном, из-за резкого падения мировых угольных цен.... А начиная с 1968-го года, Нью-Олесунн

начали использовать сугубо в качестве международного научно-исследовательского центра. Сегодня в этих многопрофильных научных исследованиях – помимо Норвегии – принимают участие представители Нидерландов, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Польши, Японии, Южной Кореи и Китая. Постоянное население Нью-Олесунна составляет около тридцати пяти человек. Но в тёплый летний период, когда различные научные исследования и изыскания проводить гораздо сподручней, оно возрастает раз в пять-шесть.

Циркулируют настойчивые и упорные слухи, что, мол, и Россия – через год-другой – может присоединиться к данному процессу. И, поверьте, этой радужной перспективе здесь совсем даже не рады. Мол: – «А вдруг, все русские учёные такие же – как Брут Белофф? Тогда можно будет смело паковать рюкзаки и оборудование, да и сваливать – куда подальше. Если, понятное дело, нет устойчивого желания окончательно и бесповоротно сойти с ума...».

Тим представлял на островах Шпицбергена интересы «Фонда охраны дикой природы», созданного при ЮНЕСКО². И данное обстоятельство для его коллег (не для всех, конечно), являлось дополнительным сильным раздражителем. Мол: – «Все люди, как люди. Старательно отстаивают интересы своих стран-государств. Тщательно тихарятся друг от друга. Целенаправленно и изощённо интригуют. Создают, время от времени, хитрые коалиции, которые впоследствии успешно распадаются. Вновь создают и интригуют... И только этот деятель – брутальный и упрямый до стойкой тошноты – сам по себе. Что хочет, то и вытворяет, даже не задумываясь о жёстких реалиях современной политической жизни. Хам трамвайный, короче говоря. Не знающий, что это такое – строгое и подозрительное начальство, всерьёз озабоченное международным научным престижем... Э-э, вы только Бруту этих моих слов не передавайте. Ну, пожалуйста. С него, ведь, станется. Абсолютно безбашенный, неадекватный и непредсказуемый тип...».

И это было правдой. И что безбашенный, и что станется. В том плане, что на раз отгребёшь. Сперва отгребёшь, и только потом поймёшь – за что. Причём, по полной и расширенной программе. Были уже печальные прецеденты. То бишь, случались – время от времени...

Научные исследования (и всё, что, так или иначе, связано с ними), являлись практически единственным видом деятельности в Нью-Олесунне и его ближайших окрестностях. Какие конкретно – научные исследования? Да, всякие и разные. То бишь, климатические, зоологические, биологические, ботанические, палеонтологические, геологические и экологические. Ничего хитрого, если вдуматься.

Впрочем, Тим к научным исследованиям никакого отношения не имел. Он просто охранял все местные природные красоты и их обитателей. Тупо – охранял? Вот, уж, и нет. Наоборот, с недюжинной выдумкой, искренним сопереживанием и изощённой смекалкой.

И усовершенствованный мотодельтаплан – подтверждение тому. Чтобы пользы больше принести. Да и от скуки не закиснуть...

Чем ещё известен крохотный заполярный посёлок Нью-Олесунн? М-м-м... Пожалуй, только тем, что именно отсюда – в 1925-ом, 1926-ом и 1928-ом годах – стартовали легендарные экспедиции Рауля Амундсена и Умберто Нобиле к Северному полюсу. Ну, те самые, с использованием тогдашних самолётов и дирижаблей...

Итак, насвистывая под нос что-то однозначно-сурово-брутальное, он бодро шагал по одной из двух улочек Нью-Олесунна. Насвистывал, шагал и ненавязчиво оглядывался по сто-

² – ЮНЕСКО (UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Основные цели, декларируемые организацией, – содействие укреплению мира и безопасности за счёт расширения сотрудничества государств и народов в области образования, науки и культуры; обеспечение справедливости и соблюдения законности, всеобщего уважения прав и основных свобод человека, провозглашённых в Уставе Организации Объединённых Наций, для всех народов, без различия расы, пола, языка или религии.

ронам. Машинально оглядывался, по устоявшейся многолетней привычке. Так как профессия охранника и строится – главным образом – на тщательных и многогранных наблюдениях....

Впрочем, ничего нового не наблюдалось. Всё те же аккуратные разноцветные домики. Серовато-голубовато-бирюзовые воды фьорда. Тёмно-бурая тундра, местами покрытая серо-бело-желтоватыми пятнами ещё не растаявшего до конца снега. Чёрные скалистые горы, напоминавшие своими очертаниями величественные средневековые замки, наполовину-разрушенные безжалостным Временем.

Вокруг было безлюдно, тихо и скучно.

– Любит здешняя учёная братия поспать вволю, – незлобиво усмехнулся Тим. – Оно и правильно. В том смысле, что пусть, родимые, дрыхнут. По крайней мере, некому будет приставать с глупыми и назойливыми вопросами...

Клык расположился рядом с нужным ангаром – лежал себе на пышной моховой кочке и, вывалив на сторону длинный розовый язык, задумчиво вглядывался в размытый силуэт острова Принца Карла, видневшийся – в морской загадочной дали – на западе. Демонстративно вглядывался, не обращая ни малейшего внимания на стайку разномастных поселковых собак, прогуливавшихся рядом с соседним складским помещением. Да и собаки – якобы – не замечали чёрно-белого хаски. Мол, к этому брутальному и активному индивидууму не стоит – лишний раз и без особой на то нужды – приближаться. Можно ненароком и отгрести на раз. Причём, по полной и расширенной программе...

Тим, сбросив с плеч тяжёлый рюкзак и прислонив винчестер к ближайшему валуну, отомкнул врезной замок, распахнул двухстворчатые ворота и выкатил из ангара – по узким рельсам на специальной тележке – модифицированный «Bidulm».

– Р-ры, – предупреждая рыкнул Клык, мол: – «К нам гости пожаловали. Насквозь незванные и даже, что характерно, совсем без подарков...».

Тим, выпустив из ладоней килевую трубу мотодельтаплана, обернулся и тут же мысленно расстроился: – «Вот же, блин подгоревший! Сглазил-таки. Мол, некому будет приставать с глупыми и назойливыми вопросами.... Как же. Размечтался. А всё потому, что три раза не сплюнул через левое плечо, да и по дереву не постучал. Голова садовая и легкомысленная...».

К складским поселковым ангарам – со стороны двухэтажного красно-синего домика – торопливо приближалась высокая сутулая фигура, облачённая в бесформенный пуховик цвета хаки.

– Гав, – расстроено известил Клык, мол: – «Мистер Альвисс Олсен, собственной персоной. Принесла нелёгкая умника³ и зазнайку, мать его скандинавскую.... Вот, почему именно он, а не кто-нибудь другой? А? Эх, грехи наши тяжкие, в Рай не пускают...».

Альвисс Олсен, помимо чисто-научных и исследовательских функций, выполнял в посёлке и обязанности неформального представителя господина губернатора Шпицбергена.

Неформального – это как?

– Элементарно, – ворчливо пробормотал под нос Тим. – Эта мерзкая сволочь, видите ли, приятельствует с тутошним губернатором. И по этому поводу всюду суёт свой длинный норвежский нос. А потом усердно стучит – словно оголодавший лесной дятел. То бишь, пересказывает доверчивому и простодушному губернатору все поселковые слухи и сплетни. Выдавая их за кристально-чистую правду, ясен пень. Гнида скользкая и прожжённая. Тварь дешёвая и продажная. Морда мутная и в корягу обнаглевшая. Точка...

– Доброе утро, мистер Белофф! – подойдя к ангару, поприветствовал на английском языке Олсен.

– Эге, доброе. Впрочем, и добрей бывает. Редковато, вот, только. На мой брутальный и изысканный вкус.

³ – Альвисс – в переводе с норвежского языка – мудрый.

– Простите?

– Не напрягайся, родной. Это я просто юмору так, – любезно пояснил Тим. – То есть, хохмлю. Старинная, так сказать, русская народная традиция. Точка.

– Ага, кажется, понял.... Извините, а куда вы сейчас направляетесь?

– Зачем это тебе, парниша?

– Конечно, на всякий случай. Чтобы знать, где вас искать.

– Зачем – меня искать?

– Допустим, забарахлит двигатель вашего летательного аппарата, – бережно поправив на длинном носу квадратные профессорские очки, лучезарно улыбнулся норвежец. – Придётся совершать вынужденную посадку. Причём, жёсткую, при которой может повредиться и выйти из строя ваш мобильный телефон...

– Сплюнь, морда. И по дереву обязательно постучи.

– Простите?

– Похоже, приятель, что тебя легче придушить, чем уболтать.

– Простите?

– Господь Бог простит. Если, понятное дело, посчитает нужным и не забудет – в сонме дел ежедневных и важных.... Ладно, очкарик, передохни. Удовлетворю, так и быть, твоё неуёмное любопытство. Слушай сюда, пройдоха. А если хочешь, то и записывай. Мне, ей-ей, не жалко.... Вылетаю на дежурный обзор-осмотр островной местности, вверенной моему пристальному вниманию. Маршрут следующий: база – мыс Верпегенхукен – база. В случае экстренной необходимости возможны дополнительные посадки в опорных точках. Как бы так. Точка.... Доволен, дружбан губернаторский?

– Как вы сказали? Мыс Верпегенхукен?

– Что это с тобой, морда? – удивился Тим. – Даже на месте слегка подпрыгнул. И побелел весь. Типа – взбледнул. Никак, поплохело?

– Э-э-э.... М-м-м..., – неуверенно замялся Олсен, после чего неожиданно заявил: – Мыс Верпегенхукен – запретное место. Его нельзя посещать без...э-э-э, без специального разрешения господина губернатора. И, вообще, данная территория является частной приватной собственностью.

– Шутка такая, весёлая-весёлая? Уже можно ржать?

– Нет, не шутка. Я говорю совершенно серьёзно. И, более того, официально.

– Кому – нельзя посещать?

– Всем.

– И даже мне? – выжидательно прищурился Тим.

– Вам – особенно, – надувшись гордым мыльным пузырём, бухнул норвежец.

– Гав-ввв! – неодобрительно гавкнул Клык, мол: – «Что же ты, придурок законченный, творишь? Ведь всему Шпицбергену известно, что Брут – самый упрямый разумный гуманоид. Среди проживающих – на данный конкретный момент – на островах архипелага, я имею в виду. Самый-самый-самый. И конкурентов-то, что характерно, достойных нет.... Полагалось, милоч, действовать совсем по-другому. Одобрить надо было, мол: – «Молодцом, мистер Белофф! Правильное и мудрое решение приняли. Одобрю! Незамедлительно отправляйтесь по намеченному маршруту. И посетите – в обязательном порядке – мыс Верпегенхукен. Ну, очень надо! Высокопоставленный господин губернатор лично просил об это. Ну, так просил. Умолял-таки. Слёзно-слёзно...». Тогда-то что. Брут, даю на отсечение свой пушистый хвост-крендель, наверняка бы поменял маршрут, отправившись куда-нибудь к югу. Например, на плановый облёт земли легендарного Оскара Второго.... А в данном раскладе, мистер очкарик, извини. Ничего у тебя не выгорит. Ничего и даже чуть меньше...».

– Дай-ка мне, уважаемый коллега, твою мужественную правую ладошку, – душевно попросил Тим.

– Зачем это? – насторожился Олсен.

– Затем, что очень хочу её пожать. В знак искренней дружеской благодарности, понятное дело.... Как это – за что? За то, что не позволил мне, недоумку с русскими корнями, грубо нарушить высокий губернаторский запрет, о котором я ничего не знал. Предотвратил, так сказать, казус отвратительный. А может, и полноценный дипломатический скандал.... Ну, я жду.

– Э-э-э...

– Сопли не жуй, деятель, – белозубо улыбнувшись, посоветовал Тим. – Ладонь-то давай.

– Гав, – безразлично отвернулся в сторону Клык, мол: – «Какая ещё, в одно место неприглядное, «белозубая улыбка»? Не смешите, право. Натуральный оскал волчий.... Беги отсюда, дурилка норвежская, пока цел. Улепётывай со всех ног...».

– О-у-у-у-у-у! – буквально-таки взвыл губернаторский приятель, почувствовав, как его изнеженную научную ладонь охватили безжалостные кузнечные клещи, а ещё через пару секунд замолчал и, подломившись в коленях, начал опускаться на землю.

– Осторожненько, осторожненько, – ловко подхватив безвольное тело под мышки, забормотал Тим. – Так же и ушибиться недолго. Что же вы, батенька, такой хиленький? Спортсом надо заниматься, если натура природная слабовата.... Ага, вот сюда. Присаживаемся и прислоняемся спиной к стенке ангарной. Молодец, послушный. Хвалю. Сиди и прохлаждайся, забот-хлопот не ведая.... Да ты, морда норвежская, не дрейфь. Минут через десять-пятнадцать непременно придёшь в себя. Непременно. Обещаю. Встанешь и дальше пошагаешь-запрыгаешь. Типа – козликом молоденьким. Только в очочках. Бывает. Честное брутальное слово.... Да, хорошее утро нынче выдалось. Бодрое такое. Оптимистичное. Знать, и день с вечером будут интересными. По крайней мере, взлетев по-быстрому, будем надеяться на это. Точка...

Раздался насадный и тоскливый собачий лай. Это поселковые псы – со всех лап – разбегались в разные стороны. Почему – разбегались? Да чисто на всякий пожарный случай. Дабы не попасть – ненароком – под внеплановую и жёсткую раздачу...

Глава вторая

Про шакалов

Узкие рельсы уходили-погружались – сантиметров на тридцать-сорок – в зеркально-спокойную гладь фьорда.

Тим – с помощью специального гидравлического домкрата – спустил мотодельтаплан на воду, развернул его боком, пристегнул широкими ремнями Клыка, самостоятельно запрыгнувшего в переднее кресло, поместил в грузовую сетку рюкзак и полиэтиленовый пакет с продовольствием, закрепил в специальной прорези винчестер и, предварительно сильно оттолкнувшись ногой от берега, уселся в кресло пилота.

Сытый рёв двигателя, короткий уверенный разбег, разноцветные брызги во все стороны, взлёт. Внизу заволокло замесками разноцветные поселковые домики и серо-бирюзовые воды фьорда, ставшие после подъёма на трёхсотметровую высоту однозначно-бирюзовыми.

Полёты на мотодельтаплане, вообще, занятие увлекательное и зрелищное. А аналогичные полёты над Шпицбергом (в ясную погоду, конечно), доложу я вам, увлекательное вдвойне. Более того, завораживающее – до полного опупения и нешуточного изумления...

Почему – до полного? Тут, друзья мои, всё дело в красках и контрастах. Цвета здесь такие – чёткие и яркие, практически совсем без полутонов. То есть, без полутонов до тех пор, пока в ситуацию не вмешаются, выползая сразу отовсюду, местные призрачные туманы – всевозможных мягких пастельных оттенков...

Но в то утро никаких туманов, как раз, не наблюдалось. Поэтому и визуальная картинка была безупречно-классической: серо-бирюзовый фьорд, ярко-синее море, густо-лиловый силуэт острова Принца Карла, грязно-бурая тундра, ослепительно-белоснежные ледники, угольно-чёрные скалистые пики.

– Полный и однозначный отпад! – активно вертя головой по сторонам, восторженно прокомментировал Тим. – Амстердамские размалёванные шляхи, нервно покуривая, скромно отдыхают в сторонке.

– Гав, – поддержал с переднего кресла Клык, мол: – «Красота, мать её, неописуемая и охренительная...».

Мотодельтаплан, заложив над строгими серо-бирюзовыми водами широкую дугу, уверенно взял курс на северо-восток...

Несколько слов о намеченном маршруте.

Мыс Верпегенхукен является северной (самой и однозначно-северной), оконечностью острова Западный Шпицберген. Почему Тиму взбрело в голову посетить это место? Во-первых, он – за шесть лет, проведённых на островах архипелага, – там ни разу не был. Как-то так получилось, что практически весь Западный Шпицберген облетел на мотодельтаплане и объездил (в зимний период), на снегоходе, а к Верпегенхукену (случайно ли?), никогда даже не приближался. Во-вторых, от предшественников по должности к Тиму перешли их подробные путевые и обзорные дневники. Он внимательно ознакомился со всеми имеющимися документами и пришёл к однозначному выводу, что самый северный мыс острова – по неизвестным причинам – никогда не попадал в поле зрения охранников дикой природы.... Странно, не правда ли?

– Непроста это, – откладывая дневники в сторону, решил Тим. – В том плане, что очень и очень странно. Более того, подозрительно, навевающе и завлекающе...

– Гав! – согласился с ним Клык, мол: – «Ещё бы, блин горелый, не странно. Вдоль северного и восточного побережий острова ледяной припай гораздо более надёжный и долговечный,

чем на западном и южном. Следовательно, там и белых медведей шастает многократно больше. Многократно, ясен пень.... А для чего, с точки зрения охранников дикой природы, на Свете существуют белые медведи? Для того, понятное дело, чтобы старательно и регулярно присматривать за ними. Подчёркиваю, регулярно и бдительно присматривать. Ре-гу-ляр-но....».

– Предлагаешь – наведаться на данный мысок, так толком и не изученный?

– Гав-в!

– Типа – всенепременно и обязательно? Преодолев всевозможные преграды, засады и тернии?

– Гав! Гав! Гав...

Надо заметить, что с технической точки зрения никаких трудностей-сложностей не предвиделось. Ерундовый и простенький маршрут, если зреть в корень. От Нью-Олесунна до мыса Верпегенхукен было, если по прямой, на уровне ста шестидесяти-семидесяти километров. Конечно, мотодельтапланы по прямой практически не летают – всякие там боковые порывы ветра, восходящие и нисходящие воздушные потоки, прочие климатические прелести. Поэтому постоянно приходится лавировать, слегка отклоняясь от намеченного прямого пути. Ладно, пусть будет – в одну сторону – сто восемьдесят километров. Умножаем на два, получаем – триста шестьдесят. Бак же усовершенствованного «Bidualm-50» был рассчитан на пятьдесят литров горючего, а его расход – при скорости сто километров в час – составлял около восьми литров. Следовательно, на полном баке можно было пролететь (с небольшим запасом), порядка шестиста километров. Два часа (даже чуть меньше), туда. Столько же обратно. Ну, и, включив видеокамеру, нарезать несколько полноценных кругов над загадочным мысом. А если возникнет такая срочная необходимость, то и приземлиться (то есть, приводниться), там можно. Например, ради краткосрочного променада, отдыха и лёгкого перекуса на свежем воздухе. То бишь, вернулся в Нью-Олесунн, а в баке ещё полно горючки...

Почему же Тим – в разговоре со склочным норвежцем – бросил фразу, мол: – «В случае экстренной необходимости возможны дополнительные посадки в опорных точках...»? Островные разноцветные туманы, могущие появиться практически в любой момент, всему виной. Они, заразы коварные и бесстыжие, как уже было сказано выше, ужасно плотные и вязкие. При полёте же в условиях густого тумана скорость передвижения летательного аппарата резко снижается, а расход горючего, наоборот, возрастает. Причём, чуть ли не в два раза. Да и дополнительный крюк – между делом – можно заложить. Бывали уже аналогичные прецеденты. Плавали – знаем...

Что ещё за – «опорные точки»? Это такие сборно-щитовые домики-избушки, беспорядочно разбросанные по островам архипелага. Встречаются и частные, что-то вроде дач. Но, в основном, они оборудованы – сугубо с практическими целями – угольными компаниями и различными научно-исследовательскими организациями. В таких домиках всегда имеется запас продовольствия, печка и сухие дрова (или даже маленькая дизельная электростанция с запасом топлива), аптечка, шкаф со сменной одеждой-обувью различных размеров, несколько кроватей и комплектов чистого постельного белья. Эти избушки бывают особо-остро востребованы зимой, когда островной народ и туристы активно разъезжают по Шпицбергену на снегоходах и мотонартах. А техника, как известно, она иногда ломается. Особенно в метель. Замёрзнуть насмерть – раз плюнуть. Если, понятное дело, поблизости не обнаружится спасительной «опорной точки».... Вот, и за обитателями Нью-Олесунна было закреплено с полтора десятка таких домиков, куда Тим и завёз – в зимний «снегоходный» период – вдоволь горючего. На одни «точки» – по одной столитровой бочке. А на другие – более «проходные» летом – по две-три. На всякий пожарный случай...

За тридцать пять минут они пролетели над Землёй Хокон Седьмого. Совершенно ничего интересного: тёмно-бурая тундра, только местами начавшая слегка зеленеть, мрачные чёр-

ные сланцевые россыпи, рваные серо-белые пятна ещё не растаявших снегов, вялые северные олени, лениво бродившие тут и там – либо парами, либо маленькими компактными группками.

– Гав-в! – подал голос сквозь надсадное тарахтенье двигателя Клык, мол: – «Рельеф местности неуклонно идёт вверх. Надо бы, приятель, того. Приподняться чуток. Дабы не шмякнуться о скалы ближайшего нагорья...».

– Как скажешь, напарник, – надавливая указательным пальцем на нужный рычажок-тумблер, откликнулся Тим. – Приподнимемся. Не вопрос...

Потом внизу стало ослепительно бело.

«Словно в сверх-стиральной хирургической палате», – торопливо водружая на нос очки с тёмными стёклами, мысленно прокомментировал Тим. – «Сейчас мы пролетаем над Землёй Андре, покрытой практически-вечными (но молодыми – по геологическим меркам), ледниками, слегка подтаивающими только в разгар летнего сезона.... Кстати, в честь кого названа Земля Хокон Седьмого, я не знаю. Скорее всего, в честь какого-нибудь европейского короля. Норвежского? Совсем не обязательно. В семнадцатом-восемнадцатом веках здесь и шведы с датчанами активно тусовались. Да и надменные англичане присутствовали. А официальным первооткрывателем Шпицбергена, и вовсе, считается знаменитый голландский путешественник Виллем Баренц. Так что, как говорится, возможны различные варианты.... Что же касается Земли Андре. Её так называли в честь Соломона Андре. Жил в девятнадцатом веке на белом Свете такой героический швед, который задумал долететь до Северного полюса на воздушном шаре. И не только задумал, но и попытался.... Воздушный шар «Орёл», управляемый отважным Соломоном, взлетел со здешнего острова Дэйнс летом 1897-го года. Но при отрыве от земли неожиданно оборвались три регулирующих гайдропа, шар тут же стал неуправляем, и сильный попутный ветер потащил его на северо-восток. Пролетев около пятисот километров, «Орёл» упал на лёд. После этого долгие годы о судьбе экспедиции ничего не было известно. И только в 1930-ом году норвежские моряки случайно обнаружили на острове Квитойя («Белый» – в русском варианте), входящем в состав Шпицбергена, останки путешественников. То есть, Соломон Андре и двое его спутников смогли – после падения воздушного шара – добраться по дрейфующим льдам до архипелага. Но и только. Жаль ребят, конечно...».

– Гав! Гав! Гав! – рассержено просигнализировал Клык, мол: – «Ты что там, Брут хренов, уснул? Или же размышлял о девках длинноногих и доступных? Не видишь, что внизу делается? Совсем разучился мышей ловить? Очнись немедленно! Ау! Так тебя, морду брутальную, и растак...».

Белоснежно-льдиная Земля Андре уже практически закончилась, впереди маячили благородно-серые воды узкого Вейде-Фьорда. И на длинной прибрежной косе, свободной ото льда и снега, чётко просматривались-различались три пятна: одно овальное красно-бурое и два круглых нежно-розовых.

– Гав-в-в, – в голосе Клыка слышались нотки лёгкого недоумения.

– Полностью согласен с тобой, дружище, – закладывая над песчаной косой крутой вираж, пробормотал Тим. – Совершенно нетипичная картинка. Более того, даже слегка, мать её, тревожная.... Нет, суть-то происшествия мне ясна и понятна. Типа – как Божий день. По ранней зиме здесь убили какое-то крупное животное. Или, допустим, два. Убили и, ясен пень, сожрали. Потом остатки пиршества (недоедки, выражаясь напрямик), завалило снегом, ударили серьёзные морозы. А сейчас снежок, благодаря весеннему ласковому солнышку, растаял. Вот, кровавые пятна и проступили.... На этом, собственно, вся «понятность» и исчерпывается. Начинаются каверзные и совсем непростые вопросы. Какое животное здесь убили? Кто убивал? Белый медведь – тюлень? Не похоже, в этом случае было бы всего одно овальное красно-бурое пятно. Из серии: – «Где убил, там же и на части разодрал, там же и скупать изволил...». Медведь убил двух кольчатых нерп? Тогда наличествовали бы два овальных красно-бурых пятна. Из той же самой нетленной серии. Да, навевает.... Ещё повезло, конечно, что в этом году не

было ни одного приличного дождика. Дожди, как известно, они горазды – безжалостно и подчистую – смывать все следы...

– Гав!

– Сам знаю, что надо садиться. Чай, не тупее тупых. Раскомандовался тут. Точка...

Мотодельтаплан (вернее, гидромотодельтаплан), успешно приводнился: осторожно коснулся воды, пробежал-проплюхал, постепенно гася скорость, метров двести пятьдесят и, ловко пролавиrowав между островерхими прибрежными скалами, мягко ткнулся заострёнными плоскостями катамарана в низенький песчаный откос.

– Гав! – похвалил Клык.

– Сам знаю, что получилось лихо. Типа – по-крутому и мастерски. Да подожди ты, родное лохматое сердце. Не суетись. Сейчас всё будет...

Тим выбрался на берег, без труда развернул лёгкий «Bidulm» боком к косе, продел через овальную проушину в корпусе катамарана длинный металлический штырь и, сильно надавив на него, «заякорил» летательный аппарат. Подумав, достал из чехла второй штырь и, подойдя к очередной проушине, повторил операцию. Потом он освободил пса от широких фиксирующих ремней и извлёк из специального паза-прорези верный винчестер.

– Гав! – одобрил Клык, мол: – «Молодец, что ограничился только двумя штырями-якорями. Правильно, что рюкзак и полиэтиленовый пакет оставил в сетке. Вдруг, придётся ноги-лапы уносить в темпе вальса? Тут дело такое. Бывает, что секунда-другая всё и решает...».

– Трепло ты кукурузное, – недовольно поморщился Тим. – Всё гавкаешь и гавкаешь. Так же и сглазить можно.... Тьфу-тьфу-тьфу! – он трижды (смачно, не жалея слюны), сплюнул через левое плечо, после чего старательно постучал костяшками правого кулака по деревянному прикладу винчестера....

Пройдя порядка двухсот метров, они подошли к странным пятнам.

– Браконьерством явственно пахнет, – внимательно осмотревшись на местности, объявил Тим. – Вот здесь кого-то убили, натекло много крови. И здесь – аналогично. Потом, спустя какое-то время, добычу перетащили ближе к фьорду и.... Растерзали и сожрали? Или же разделали – без суеты и спешки? Ну-ну.... Понимаешь, дружище, почему пятна получились разных цветов?

– Гав!

– Правильно. Где круглые и ярко-розовые – там только кровь. А в овальном красном буром присутствуют – помимо кровушки – всякие ошмётки, слизь, обрывки внутренностей и требуха.... Кого же здесь, в конце-то концов, уколошили?

– Гав-в-в! – подойдя к кромке воды и отчаянно виляя хвостом-бубликом, предположил Клык.

– Интересная версия, – встав рядом с напарником, задумался Тим. – Действительно, примерно через полтора метра берег резко обрывается вниз. А вода – прозрачная-прозрачная.... Похоже, что здесь достаточно глубоко. Метров пять-шесть будет, никак не меньше.... Следовательно – что?

– Гав!

– Молодец, догадливый. Следовательно, в этой бухточке зимой обитают тюлени и кольчатые нерпы: питаются водорослями, рачками, мидиями и рыбой, а дышат через проруби во льду, которые сами же и поддерживают в рабочем состоянии. А где нерпы и тюлени, там и белого медведя завсегда найдёшь.... Подожди. Это что же такое получается? А? Кто-то решил поохотиться на белых мишек?

– Гав!

– Вот же, шакалы пархатые! Гниды, суки, твари и ублюдки.... Но в этом случае браконьеры должны были старательно прибраться за собой. То бишь, тщательно-тщательно замести

следы. Ведь за несанкционированное убийство белого медведя (если, конечно, речь не идёт о самообороне), можно – по строгим и суровым норвежским законам – отгрести несколько лет тюрьмы. Не считая, понятное дело, огромного штрафа.... Знаешь, что?

– Гав?

– Давай-ка, братец, слегка пошаримся по округе. Поищем, так сказать, веские улики. Глядишь, и повезёт...

Им, как и всегда в таких делах, повезло: уже через двадцать пять минут был найден брезентовый чёрный мешок, от души заваленный крупными камнями.

– Собачий нюх – великая сила, – старательно отбрасывая камни в сторону, по благородному признал Тим. – Без тебя, приятель, я бы никогда не отыскал этого искусного схрона. Старались суки драные, ничего не скажешь.... Кстати, что ты думаешь по поводу мешка?

– Гав!

– Согласен. Такие – с возможностью герметичной упаковки – частенько используют на китобойных судах. В них складывают китовый язык и прочие дорогостоящие деликатесы. Впрочем, пока это ни о чём не говорит. Совпадений на этом призрачном Свете хватает. В том числе, и насквозь фатальных.... Всё, достаю. Хоп! Тяжёленький, однако.... Э-э, куда это ты намылился?

– Гав-в-в...

– Ах, да. Ты же у нас ужасно-породистый, – берясь ладонью за белое кольцо, расположенное на горловине мешка, усмехнулся Тим. – То бишь, голубых-голубых кровей. Практически граф собачий, не переносящий дурных и гнилостных запахов. Того и гляди – стошнит. Не дай Бог, конечно.... Ладно, отойди в сторонку. Здесь я и сам разберусь. Без излишне-брезгливых деятелей.... Фу, как же воняет! Мать вашу браконьерскую!

Через несколько минут, ознакомившись с содержимым чёрного мешка, он подытожил:

– Кости двух белых мишек-подростов. Естественно, с ошмётками полусгнившего мяса на них.... Рассказываю о зимнем происшествии. Белые медвежата находятся при матери до полутора лет, а потом отправляются на вольные хлеба. Вот, и эти двое, набрав килограмм по сто с небольшим живого веса, отправились. Но, к сожалению, далеко не ушли. Нарвались на неизвестных злодеев-гуманоидов. То бишь, на самых натуральных шакалов в человеческом обличье. Найду – на части порву. С собственным дерьмом смешаю. Уши отрежу и заставлю сожрать. Гадом буду. Точка.

– Гав, – неодобрительно отозвался Клык, мол: – «Если и рвать, то с умом и оглядкой, улики не оставляя. Чтобы никто не узнал об этом. Совсем никто. И, вообще.... Сколько можно – играть в суровую и жестокую брутальность? Надо гадких субчиков вычислить, задержать да и сдать по-простому в норвежскую полицию. От чистого сердца совету....».

– Р-ры! – донеслось издалека. – Р-рыыы!

Тим резко обернулся и зябко передёрнул плечами: с ближайшего ледника, неуклюже перебираясь через беспорядочно наваленные белоснежные глыбы, спускалась матёрая белая медведица. Спускалась и, поводя из стороны в сторону массивной головой, безостановочно ревела-рычала.

– Гав-в-в-в, – искренне расстроился Клык, мол: – «Доигрались-таки, блин горелый! И смачные плевки через левое плечо не помогли. И по прикладу винчестера некоторые мнительные деятели напрасно стучали.... Это, скорее всего, матушка погибших мишек. Желает отомстить, не дожидаясь решения высокого суда, за безвременную смерть любимых детишек. Что же, я её вполне понимаю. И где-то даже поддерживаю. Но.... Надо, братец, что-то делать. Бежать к мотодельтаплану и, выбрав якоря-стержни, взлетать? Можем не успеть. Догонит и порвёт. По крайней мере, тебя.... Тогда ружьишко своё приготовь. В том смысле, что продемонстрируй искусство меткой стрельбы.... Или же примени другой метод. Ну, тот, шакалий. Я, честное слово, на этот раз не испугаюсь и не убегу, сломя голову. Обещаю....».

– Точно – не задашь стрелка, умчавшись за пару-тройку сотен километров? – нерешительно поглаживая пальцами ремешок винчестера, всё также висящего на правом плече, уточнил Тим.

– Гав.

– Ладно, попробуем. Только ляг на землю и, прикрывая уши, плотно обхвати голову передними лапами.... Молодец.

Тим, мгновенно прокрутив в голове нужные знания, задрал голову к небу, крепко зажмурил глаза и, поднеся ко рту ладони, сложенные рупором, завыл.... Он выл и, стараясь не думать ни о чём постороннем, безостановочно произносил-повторял про себя – на причудливой смеси французского, английского и арабского языков – слова нехитрой молитвы: – «Аллах Всемогуший! Сделай так, чтобы все эти жёлтые исчадия Преисподней – ушли навсегда! Сделай так, молю! Аллах Всемогуший! Сделай так, чтобы все эти жёлтые исчадия Преисподней...».

Что это был за вой, призванный напугать-остановить разгневанную белую медведицу? Собственно, ничего хитрого. Так воют – в песках знойной африканской Сахары – взбесившиеся ливийские шакалы. Этому высокому искусству Тима – в своё время – научил его родной дядя, младший брат отца. А откуда сам дядюшка почерпнул это тайное знание?

Артём Белов рассказывал так:

– По правде говоря, речь идёт о самых обыкновенных пустынных волках. То есть, о «Lobo desierto», выражаясь скучным научным языком. «Ливийскими шакалами» этих мерзких животных величали – много-много лет тому назад – сугубо российские офицеры, входившие в специальный корпус ООН, стоявший стационарным лагерем на алжиро-ливийской границе.... Миротворческий корпус? Не смей меня, пожалуйста. Наоборот, насквозь секретный, боевой и тайным. Как выяснилось, и такие бывают. Большая политика, племяш, дело тонкое. А местами и откровенно-грязное. Что на регионально-деревенском уровне, что в мировом глобальном масштабе.... Так вот. Наш секретный воинский корпус условно делился на две приблизительно-равные части – на европейскую и африканскую. В европейскую – кроме россиян – входили австрийцы, венгры и англичане. В африканскую – нигерийцы, марокканцы и алжирские берберы. И как-то так получилось, что мы, русские, сошлись именно с берберами. Не то, чтобы плотно сошлись, но общались охотнее всего, видимо, почувствовав некое родство душ и схожесть природных менталитетов. А мудрый генерал Фрэнк Смит, возглавлявший «ооонцев», эту взаимную национальную симпатию подметил и начал назначать в патрули-караулы берберов совместно с россиянами. Лично мне в напарники постоянно доставался Аль-Кашар – пожилой алжирец с тёмно-коричневой непроницаемой физиономией, покрытой густой сетью глубоких морщин. Он был местным жителем – родом из Чёрного ущелья, когда-то обитаемого.... Чем мы занимались в патрулях-караулах? Как правило, армейский пятнистый фургон (американский аналог российского «Урала»), на рассвете останавливался на излучине узенького безымянного ручья, пересыхавшего время от времени. Мы с Аль-Кашаром вылезали из машины, тщательно проверяли амуницию, оружие и правильность настройки радики, после чего, взвалив на плечи тяжёлые рюкзаки, выходили на маршрут. То есть, весь день напролёт – настойчиво и целенаправленно – обходили склоны Чёрного ущелья, высматривая следы пребывания подлых ливийских диверсантов. Иногда следы обнаруживались, о чём я тут же по радики сообщал на Базу. Тогда в воздух поднимались боевые «Ирокезы⁴» и, изредка постреливая, начинали старательно кружить над округой. Два раза и нам с Аль-Кашаром пришлось вступать в непосредственные боестолкновения с противником. Оба раза, понятное дело, выиграли.... Но чаще всего обход местности не приносил никаких неожиданных и неприятных результатов. К вечеру, сделав по дороге пять-шесть привалов в тени высоких тёмно-красных скал, мы

⁴ – «Ирокез» – американский армейский вертолёт

доходили до Рыжего бархана и останавливались на ночлег, благо дров там было в достатке. Во-первых, бескрайняя полоса сухого кустарника. А, во-вторых, обгоревшие остатки щитовых барачков. Разжигали небольшой, но жаркий костерок (ночью в пустыне достаточно холодно, особенно на рассвете), ужинали нехитрой, но калорийной снедью из армейского сухого пайка, курили и вели неторопливые философские беседы, потом – по очереди – спали. А на рассвете трогались дальше, огибая недоброе Чёрное ущелье с юга.... В один из таких вечеров, когда костерок успешно разгорелся, а красно-розовое неправдоподобно-большое солнце уже вплотную приблизилось к далёкой линии горизонта, Аль-Кашар, хищно оскалившись, указал рукой на юго-запад и сообщил – с непонятными интонациями в голосе: – «Лобо идут. Крысоловы пустынные...». Я, понятное дело, тут же навёл свой полевой бинокль в указанном направлении. По узкому распадку – руслу давным-давно пересохшего ручья – передвигалась (ползла, змеилась?) длинная изломанная цепочка, состоявшая из пятидесяти-шестидесяти поджарых животных.... Каких конкретно животных? Больше всего они напоминали обыкновенных лесных лисиц, только на очень длинных ногах. Ну, и шерсть была не такой густой, да и хвосты не такими пышными.... Окрас? Он сильно отдавал рыжиной. Но это, скорее всего, лучи заходящего солнца так подсвечивали – с элементами пустынной фантазии.... Я и высказался в том же ключе, что, мол, ничего интересного – то ли лисички, то ли собачки, то ли волки низкорослые и облезлые.... Но Аль-Кашар (философ доморощенный), со мной не согласился, заявив: – «У каждой медали, друг мой, как известно, имеются две стороны. Как, впрочем, и у каждой природной сущности. Вот, и с этими пустынными волками – та же история.... С одной стороны, лобо очень и очень полезны. Они – лучшие ловцы бурых крыс на этом призрачном и неверном Свете. Если, к примеру, в какой-либо части пустыни развелось избыточно много гадких и прожорливых крыс, то туда – без промедлений – доставляют лобо. Иногда алжирские бедуины отправляются по пустыне (на верблюдах, естественно), за пятьсот-шестьсот километров, чтобы разжиться (за очень большие деньги), щенками пустынных волков. Крысы – это очень плохо для маленьких верблюжат и козлят, могут ночью загрызть до смерти. Лобо – безжалостно уничтожают подлых крыс, и это очень хорошо.... Но голодные лобо иногда – всей стаей – по ночам нападают на беспечных и неосторожных путников. Они не брезгуют человечиною. И, что хуже всего, совершенно не боятся огня...». Естественно, что прослушав эту познавательную лекцию, я слегка забеспокоился. Из серии: – «А доживём ли мы до рассвета?». Но бербер поспешил успокоить, мол: – «Волки на нас не нападут. Интересуешься – почему? Потому, что я их сейчас прогоню. Лобо будут бежать отсюда прочь – всю ночь напролёт. Очень-очень быстро бежать. Со всех лап...». Он отошёл от костра на несколько шагов в сторону, задрал голову к небу, прикрыл глаза и, поднеся ко рту ладони, сложенные рупором, завыл.... Всё вокруг наполнилось бесконечно-печальными и безгранично-тоскливыми звуками. Вой, подхваченный и многократно усиленный чутким вечерним эхом, плыл над бескрайней пустыней плотным и всепроникающим маревом. Плыл, стелился, звенел.... Ливийские шакалы, словно бы получив некий тайный сигнал-команду, резко остановились и, повернув ушастые головы в сторону Рыжего бархана, застыли – абсолютно неподвижными изваяниями. Вскоре мелодия воя изменилась: к печали и тоске добавились нотки колючей ледяной тревоги, потом – отголоски вселенского неотвратимого ужаса. Лобо, развернувшись на сто восемьдесят градусов, дружно и целенаправленно рванули прочь, постепенно превращаясь в крохотные тёмно-рыжие точки.... Я, конечно, попросил Аль-Кашара и меня научить – так выть. Он и научил.... Потом пригодилось мне это умение. Причём, неоднократно. Случайно выяснилось, что воя взбесившегося ливийского шакала боятся практически все животные. И даже почище, чем лесного пожара. Или же там степного. И африканские львы, слышав эти звуки, трусливо убегают прочь. И русские голодные волки. И дальневосточные тигры. И свирепые американские гризли.... Короче говоря, племяш, перенимай, пока я добрый. Пользуйся случаем. Глядишь, и пригодится. Только учти, имеется одна странность. Если просто выть, мысленно не произнося

заветной молитвы – на причудливой смеси французского, английского и арабского языков, – то ничего не получится. Лично проверял. Видимо, без древней пустынной магии здесь не обошлось...».

Тим вышел из транса, только почувствовав лёгкие покусывания в районе левой ляжки. Вышел и, непонимающе оглядываясь по сторонам, потерянно забормотал:

– А? Что такое? Клык, перестань. Ну же.... Это я слегка увлёкся. Извини. Бывает.... А где разъярённая мстительница? Усвистала – со скоростью штормового ветра – за ледник? Понятное дело...

Глава третья

Чужое место

Тим старательно заснял на видеокамеру, давая ёмкие голосовые пояснения, всё-всё-всё: длинную песчаную косу, усталый мотодельтаплан, глубокую бухточку Вейде-Фьорда, белоснежный ледник, красно-бурые и ярко-розовые пятна, кости убитых мишек-подростков, покрытые обрывками полусгнившего мяса, и чёрный брезентовый мешок.

Зачехлив видеокамеру, он досадливо поморщился.

– Гав? – вежливо поинтересовался Клык.

– Несколько кадров – для полного комплекта – не хватает. То бишь, тех самых, на которых была бы зафиксирована разъярённая белая медведица, влекомая жаждой мести. Праведной мести, льды льдистые, я имею в виду.... Чего это ты, приятель лохматый, так неодобрительно шуришься? Ну, никак я не мог этого заснять – ладошки, сложенные рупором, были заняты. Вот, если бы некоторые хвостатые деятели умели бы пользоваться профильной аппаратурой....

– Гав!

– Не понял.... С чего это, вдруг, ты так рассердился? Ну-ка, повтори. Будь так добр и любезен.

– Гав-в, гав-в, гав-в! – пояснил Клык, мол: – «Заканчивай, морда наглая и упрямая, чушь пороть! Я же тебе, роже забывчивой, сто пятьдесят раз предлагал – вмонтировать в мой ошейник маленькую японскую видеокамеру. Предлагал? Или же я, по твоему мнению, такой безнадёжно-тупой, что не смогу вовремя прижаться шеей к камню? Типа – включая-выключая записывающее оборудование? Что молчишь, хам брутальный?».

– Предлагал, спорить не буду, – покладисто согласился Тим. – Виноват, не послушался. Обязательно исправлюсь. Куплю при первом же посещении тутошней столицы.... Может, перекусим?

– Гав! Гав! Гав!

– Мол, как можно кушать в таких жутких антисанитарных условиях, где так мерзко воняет?

– Гав!

– Ладно, вас понял. Будем собираться....

Он сложил в чёрный «китобойный» мешок останки медвежат, а сам мешок поместил на прежнее место и старательно завалил его камнями. После чего, достав из бокового кармана рюкзака тубик с мыльной пастой, тщательно помыл руки в водах Вейде-Фьорда.

– Гав-в-в, – похвалил Клык, мол: – «Молодец, чистоплотный. То бишь, никогда не забывающий про личную гигиену.... А теперь, напарник, вытаскивай стержни-якоря, срочно взлетаем и следуем по ранее намеченному маршруту. И так уже целую кучу времени потеряли – с этой внеплановой остановкой....».

Успешно перелетев через Вейде-Фьорд, мотодельтаплан повернул на север. Внизу лежал величественно-пафосный ледник Осгор.

– Гав-в, – педантично уточнил из своего кресла Клык, мол: – «Старый-престарый ледник. Перезревший в корягу, так сказать, с точки зрения мудрой геологической науки. Это видно и невооружённым глазом, по характерному цвету. Вот, молоденький ледник, лежащий поверх Земли Андре, он белоснежный. То есть, ещё совсем юный. А Осгор – благородных сине-аметистовых цветов и оттенков. Это как у вас, людей, седина.... Кстати, братец, и у тебя в причёске наличествуют седые волосинки. С чего бы это, вдруг? В двадцать девять-то годков? Ты мне

никогда не рассказывал – о всяческих там перенесённых трагедиях, переживаниях, горестях и душевных терзаниях...».

– И не расскажу, – буркнул Тим. – Никогда. Даже и не надейся.

– Гав?

– По кочану. Ибо это будет не по-брутальному.... Кстати, у нас появился дополнительный повод-стимул для посещения мыса Верпегенхукен.

– Гав?

– Очень серьёзный и весомый. А вдруг, это неизвестные субчики, которым принадлежат земельные угодья на означенном мысу, и застрелили бедных мишек? Типа, почувствовав себя безраздельными хозяевами всего и вся? Или, к примеру, выпив лишнего? Может такое быть?

– Гав!

– Вот, и я о том же самом. Так что, блин горелый, имеем полное право – осуществить визит. Мол, соблюдают ли неизвестные частные собственники законы об охране дикой природы? Или же нет? Причём, не только имеем право, но – прямо-таки – обязаны. В полном соответствии со строгими служебными инструкциями.... Верно?

– Гав...

Ледник Осгор – резко и без предупреждений – оборвался. Внизу находился-просматривался искомый мыс Верпегенхукен.

– Гав? – засомневался Клык, мол: – «Что ещё за дела такие? Самый северный мыс Западного Шпицбергена, а тундра здесь уже вся зелёная-зелёная. Весёлая такая, беззаботная.... Как такое может быть?».

– Не знаю, – по-честному признался Тим. – Странность странная. Не более того. Сейчас, Бог даст, разберёмся...

Он, уменьшив обороты двигателя, правой рукой слегка надавил на дюралевую горизонтальную планку, намереваясь заложить над странным мысом широкую обзорную дугу.

Уменьшил, надавил и, судя по наклону правого крыла летательного аппарата по отношению к линии горизонта, заложил. Но...

– Гав-в! – от души возмутился Клык, мол: – «Картинка-то, блин, не изменилась! Совсем.... Зелёная весёлая тундра. Тёмно-синяя широкая «река» ледника. Теперь мне понятно, почему это подозрительное место называется – «Синяя долина». Красно-малиновая точка – у самого уреза морской воды.... Что это такое, братец? Домик? Интересные дела.... Не, надо что-то делать. Петля-то явно не задалась....».

– Сам знаю, что не задалась.... Чтобы такого придумать и попробовать? Типа – свежего, нестандартного и неординарного? А, кажется, знаю. Попробуем пересечь данную загадочную местность максимально тупо. То есть, с юга на север.

– Гав! (То бишь, добавь газку, приятель!).

Зелёная весёлая тундра. Красно-малиновая точка – у самого уреза морской воды. Синее-синее море.

Секунда-другая – и только ярко-синяя гладь перед глазами...

– Гав-вы-в? – отметил удивлённым возгласом Клык, мол: – «Как такое, вообще, может быть? За две неполные секунды мы преодолели более пятнадцати километров? Бред горячий и законченный, мать его развратную...».

– Бред, – согласился Тим. – Нечисто, ей-ей, с этим мысом. Гадом буду и всё такое прочее. Придётся садиться. То есть, приводняться.

– Гав?

– А куда, извини, получится. В том плане, что желательно – как можно ближе к этому красно-малиновому строению...

Получилось, честно говоря, далековато. Километрах в двух с небольшим от приметного домика.

– Хрень какая-то, – вдавливая в податливый прибрежный грунт четвёртый штырь-якорь, пытожил Тим. – Как будто некая неведомая, но могучая сила целенаправленно отводила наш утлый летательный аппарат в сторону от мыса. Словно бы вокруг этой малиновой хижины очерчен некий магически-защитный круг определённого диаметра...

– Гав!

– Считаешь, что, действительно, очерчен?

– Гав!

– И даже не круг, а полноценная полусфера? С двухкилометровым сферическим диаметром? Типа – установлен некий Купол? Как в том знаменитом телевизионном сериале? Ну, не знаю, честно говоря.... Хотя, конечно, всякое может быть. Особенно если предположить, что в современных научно-фантастических романах содержится хотя бы пара-тройка процентов правды.... Может, братишка хвостатый, перекусим слегка? Типа – для подъёма бодрости духа? Только я сперва, пожалуй, попрыскаю на штормовку антикомариным спреем. Голодного полярного гнуса здесь до беса. Да и оводы со слепнями кружат-жужжат...

Они, естественно, перекусили: Тим, запивая баночным австралийским пивом, умял три бутерброда с жирнющей консервированной ветчиной словенского производства, щедро сдобренной жгучей горчицей и ядрёным хреном, а Клык – практически в два приёма – заглотил половину моржовой почки.

– Ну, бродяга, наелся? – допив пиво, поинтересовался Тим. – Готов к труду и обороне?

– Гав, – сыто икнув, подтвердил Клык, мол: – «У тебя у самого харя благодная и бес-предельно-довольная. Того и гляди – треснет. Как же, целый литр янтарного крепкого пивка изволил принять на грудь молодецкую. Ухарь брутальный, одним словом. Вернее, двумя.... Баночки-то пустые подбери, сомни и запихай в рюкзачный кармашек. Экология, как известно, должна быть экологичной и безупречной.... Молодец. Ну, выступаем?».

– Без вопросов...

Пройдя метров триста пятьдесят по чёрно-серой сланцевой россыпи, они поднялись на водораздел местного значения и остановились.

Остановились, поражённые красота-ми-изысками местных природных пейзажей? Если бы...

С севера, со стороны узкой зелёно-синей долины, однозначно и настойчиво веяло зрелой тревогой, нешуточной опасностью и..., и чем-то ещё – до полной невозможности – чужим.

– Гав-в, – смущённо понурившись, повинился Клык, мол: – «Извини, уважаемый напарник, но дальше я не пойду. Не могу, и всё тут. Даже почки моржовые не помогут. Лапы не слушаются. Не хотят передвигаться в ту сторону. Страх липкий напозает и напозает. Хотя, как ты знаешь, в пошлой трусости я никогда не был замечен. Никогда и ни кем.... В чём тут дело? Не знаю и не понимаю, век свежей моржатины не кушать.... Может, какое-то хитрое излучение всему виной, а? Типа – коварно, нагло и целенаправленно воздействует на мой беззащитный собачий мозг? Как считаешь, братец? Не молчи...».

– Вполне может быть, что и излучение, – нервно прикасаясь пальцами к вискам, согласился Тим. – Покалывание характерное такое ощущается, настырное и упорное. И злая мош-кара – вместе с шумными слепнями и оводами – куда-то пропала. Навевает, однако.... Что же, ничего странного. Нынешние спецслужбы (самых разных стран-государств), они ужасно-продвинутые. Везде и всюду используют всякую и разную научную хрень. Хвалёные нанотехнологии, к примеру.... Причём здесь – спецслужбы? Охраняют, например, чью-то частную собственность, про которую нам с самого утра настойчиво талдычил норвежский очкастый ухарь.... Значит, родимая слезинка, не пойдёшь к тайному домику?

– Гав.

– Ну, нет, так нет. Бывает. Чего уж там... А я, пожалуй, попробую. Негоже оно – так сразу отступать. Только надо предварительно подготовиться, используя очередную хитрую технологию дяди Артёма... Ох, уж, это российское ГРУ⁵! Такое впечатление, что у сотрудников этой легендарной спецслужбы на все случаи жизни припасены всякие и разные изощрённые штуковины. И мало того, что изощрённые, так ещё эффективные и действенные. Ладно, брателло лохматое, отойди-ка в сторонку и не отвечивай...

Тим, предварительно высморкавшись в клетчатый платок, сбросил с плеч рюкзак, пристроил рядом с ним винчестер (видеокамеру оставил при себе), после чего уселся на ближайший полукруглый валун. Уселся и, максимально прогнув спину в пояснице (даже позвонки слегка хрустнули), расправил плечи, вскинул голову вверх и крепко зажмурил глаза. А через пять-шесть минут, когда были мысленно произнесены нужные слова (молитва – не молитва, так, набор звучных и гортанных фраз на неизвестном языке), он крепко обхватил ладонями колени, безмянными пальцами нащупал нужные контактные точки и, ритмично надавливая на них, начал специализированный массаж, заново мысленно повторяя всё тот же странный набор звучных и гортанных фраз...

«Грушная» хитрая процедура, как и ожидалось, сработала: все неприятные ощущения сгладились и притупились, время потекло медленно и плавно. Более того, стало однозначно и откровенно наплевать на всё и вся. В том числе и на ярко-выраженную тревогу (вместе с ощущением чужеродной опасности), которой так уверенно веяло с севера.

Он, открыв глаза, резко поднялся на ноги и размеренно зашагал по пышным мхам, разлапистым лишайникам и зелёной траве островной тундры.

– Гав, – напомнил Клык.

– А ты у меня на что? – не оборачиваясь и не сбавляя шага, откликнулся Тим. – Сиди и охраняй. И рюкзак, и винчестер. Я по-быстрому. Типа – туда и обратно. Как легендарный Бильбо Бэггинс. Не скучай...

Он упруго шагал вдоль тёмно-синего ледяного поля и несуетливо рассуждал про себя: – «Итак, Синяя долина. Интересное такое местечко. Не из простых будет. Кто бы, собственно, спорил... В том плане, что весьма и весьма любопытное. Раньше, очень много тысяч лет тому назад, по этой узкой и извилистой долине протекала-змеилась Синяя река. Самая настоящая река. Без дураков. Широкая, быстрая, рыбная и полноводная. А потом – с течением коварного Времени – она стала «ледяной». Бывает, конечно. Мол, очередное планетарное похолодание, ни у кого разрешения не спросив, припёрлось... Это в том глубинном смысле, что на Шпицбергене «реками» называют не только – собственно – реки, но и местные ледники. Медленно движется-шевелится такой ледник по узкой горной долине-лощине, практически – течёт. Морозной зимой может остановиться и, вовсе, беззаботно «уснуть». Весной снова – «проснуться». А летом опять плавно потечёт вперёд – со скоростью в несколько метров в сутки. Вот, такие «ледяные черепахи» и ползают по здешним суровым островам... Понятное дело, что летом, когда лёд на скалах начинает активно таять, то по ледяной поверхности и потоки настоящей воды устремляются к морю. Только и здешняя талая вода очень лениво стекает вдоль тел островных ледников – совершенно бесшумно, без всяческого хрустального звона и иных приятных для уха человеческого звуков. Очень уж они молчаливые – эти «ледяные реки» Шпицбергена... Итак, Синяя ледяная река «течёт» через весь мыс Верпегенхукен и обрывается в море на его северной оконечности. Хорошо, пусть обрывается. Не вопрос. Но рядом с этим местом, как раз, и располагается странный малиново-красный домик, о существовании которого я до сих пор ничего не знал. Ну, совершенно ничего. Бывает... Ага, правый склон

⁵ – ГРУ – Главное разведывательное управление – орган внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации, центральный орган управления военной разведкой в Вооружённых Силах РФ.

долины – достаточно скалист. Более того, в нём, оказывается, наличествуют многочисленные карстовые пещеры. Подземные грунтовые воды, как я понимаю, растворили – за долгие века и даже тысячелетия – горные породы, содержавшие гипс, вот, они и образовались – всякие уродливо-глубокие выемки и ниши. Раз, два, три, четыре..., пятнадцать, шестнадцать, семнадцать..., двадцать, двадцать один. Всего – двадцать две карстовых пещеры. Причём, крайние из них расположены совсем недалеко от подозрительного красно-малинового строения, метрах, наверное, в трёхстах с небольшим хвостиком. Ну-ну, баранки ярмарочные гну. Навевает...».

Тим, неторопливо обойдя вокруг домика несколько раз, негромко резюмировал:

– Хрен навороченный, закрученный и однозначно-эксклюзивный. Вернее, полная и окончательная хренотень.... В том глубинном смысле, что данная двухэтажная избушка (с площадью одного этажа на уровне семидесяти-восемидесяти метров квадратных), ощущается...э-э-э, откровенно-нездешней и на сто процентов чужой. Во-первых, формы, размеры и пропорции. Непривычные они, блин горелый, для моего глаза. Не могу, извините, точнее объяснить. Непривычные, и всё тут.... Во-вторых, этот красно-малиновый цвет стен. Никогда, честное слово, не сталкивался с таким. Тоже, гадом буду, непривычный и нездешний.... В-третьих, рядом с домом, с южной стороны, расположена идеально-круглая и гладкая площадка – примерно двенадцать с половиной метров в диаметре. Очень уж, зараза, напоминает классическую посадочную площадку для вертолётчиков.... Из какого материала она сделана? Хрен его маму знает. То ли из жёлто-кремового пористого льда. То ли из очень холодного неизвестного камня.... В-четвёртых, окна домика застеклены странным тёмно-серым непрозрачным стеклом, через которое ничего не видно. Ну, в плане внутренней обстановки хижины. Не исключая, впрочем, что изнутри ситуация насквозь обратная, то бишь, стёклышки прозрачные-прозрачные. Одностороннее преломление света, так сказать. Физика голимая. Бывает, конечно.... В пятых, входная дверь – прямоугольная, благородного тёмно-янтарного цвета, гладкая, без каких-либо ручек и видимых замков-запоров. Но – при этом – плотно закрытая. Скорее всего, закрытая, так как без ручек в этом не убедиться.... Стоп-стоп. Рядом с дверью, на красно-малиновой стене, примерно на высоте метр восемьдесят сантиметров от земной поверхности, имеется.... Кнопка? Трудно сказать. Просто маленький (металлический?), кружок более светлого цвета. Вполне возможно, что к этому «входному» кружку надо что-то прикладывать. Ну, для того, чтобы дверка приоткрылась. Например, специальную магнитную карту. Или же.... Почему бы и нет? Пожалуй, рискнём...

Несколько раз глубоко вздохнув-выдохнув, он уверенно прикоснулся указательным пальцем правой руки к светло-малиновому кружку.

– Бзынь! – перед глазами нестерпимо полыхнуло белёсо-жёлтым, и Тим почувствовал, что куда-то летит. – Трах! Тарах! – перед внутренним взором поплыли, неуклонно расширяясь, сизые, ядовито-жёлтые и фиолетовые круги, а потом на его сознание – медленно и плавно – опустилась плотная иссиня-чёрная шторка...

Он пришёл в себя от противной пульсирующей боли в затылке. Сел, с трудом преодолевая предательскую слабость, осторожно потряс головой, огляделся по сторонам и попытался сосредоточиться.

«Током, скорее всего, шандарахнуло», – зашелестели в голове, сменяя друг друга, вялые мысли. – «Или ещё чем-то аналогичным и похожим. Я в этих делах физических, извините, не силен.... На затылке шишка образовалась. Солидная такая, выпуклая, мягкая и болючая. Видимо, при падении приложился головой о ближайший камушек.... Ага, штанина слегка дымится. Суки драные, козырные и коварные. Не хуже агентов израильских спецслужб. То есть, ещё более разнузданные и отпетые. Ладно, морды, посчитаемся...».

Тим, с трудом удерживая равновесие, поднялся на ноги и, зачерпнув в ладонь из ближайшей лужицы мутной водички, затушил тлеющую брючную ткань. После чего осторожно ощупал ладонями голову и, болезненно поморщившись, пообещал:

– А вот этого, морды неизвестные, я вам точно – никогда не прощу. Причёску, понимаешь, испортили. Гниды штопанные.... Похоже, что сейчас мой стильный белобрысый ежик... м-м-м, совсем уже и не белобрысый, а, наоборот, слегка пепельно-обгоревший. Провёл ладошками по голове – сажа сплошная.... Твари законченные. Ладно, ещё пожалеете. Блин. Теперь-то я от вас, неизвестные частные собственники, не отстану. Никогда и ни за что. Даже не мечтайте.... Ждите. Скоро вернусь. Даже соскучиться не успеете. С качественной «болгаркой», крепким ломиком, набором проверенных отмычек, газовым резаком и парой килограммов тротила. Всё здесь раскурочу. В обязательном порядке. На хрен моржовый. Точка...

Подобрав с земли приличный по весу булыжник, он размахнулся, целясь в ближайшее темно-серое окно. Но в последний момент, передумав, отбросил камень в сторону.

Почему – передумал и отбросил?

Во-первых, Тим был на сто двадцать процентов из ста уверен, что стекло, вставленное в оконные рамы домика, было бронебойным. То бишь, в том, что ни малейшего вреда булыжник ему не нанёс бы. А во-вторых, учитывая недавнее происшествие, и крепкая отдача могла – запросто – замучить.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, слегка покачиваясь и грязно ругаясь-матерясь сквозь стиснутые зубы, он зашагал обратно...

Мотодельтаплан взлетел и, сделав над негостеприимным мысом Верпегенхукен широченную-широченную дугу, взял курс на юго-запад, к посёлку Нью-Олесунн.

Тим, лениво оглядывая местные предзакатные пейзажи, меланхолично напевал:

Может, на сегодня, право, хватит?
Было и пропало – как всегда?
На границе пьяненьких объятий,
Ждут нас всех – иные города.

Целый год – полярных полустанков.
Целый год – метели и пурга.
Супчик из гусей-подранков.
Кто сказал, что это – навсегда?

Кто сказал? Уже не разобраться.
Кто сказал? Какая ерунда.
Наше странное, изысканное братство.
Мы вернёмся. Слышишь? Навсегда...

Мы – вернёмся. Тропкою расхожей.
Ждите нас, шальные Острова.
Над избушкой тлеет – хмурой рожей –
Синяя Полярная Звезда...

Мы – вернёмся. Почему? Откуда?
Я не знаю, брат мой, извини.
Всё – Звезда. Далёкая паскуда.
Ночи пожирающая. Дни...

Дни – как догорающее пламя.
Верить им? Знакомая стезя.

Над закатом властвует – как знамя –
Синяя Полярная Звезда...

Это была песенка из тех Времён, когда он не был таким безысходно-брутальным.

А каким он был тогда?

Романтическим, мечтательным, светлым и наивным. Как и большинство двадцатитрёх-летних юнцов, только что закончивших Университет...

Глава четвёртая

Ретроспектива 01. Тим, Милена и Машина Времени

– Уважаемые господа пассажиры! – объявил по «громкой» связи приятный женский голос. – Через семь с половиной минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту города Анкоридж, Соединённые Штаты Америки, штат Аляска. Прошу всех пристегнуть ремни и прекратить приём пищи! Желаю вам, дамы и господа, мягкой и приятной посадки!

На плоском экране самолётного монитора значилось: «25-е мая 2006-го года, четверг».

«Уже конец мая? Серьёзно? Ну, надо же!», – искренне удивился про себя Тим. – «Как же быстро бежит время. Кажется, что ещё только позавчера встречали Новый год, а уже лето настойчиво стучится в двери.... Да, Время – очень странная, занятая и загадочная штука-вина!».

Приятный и ненавязчивый шорох от работы мощных авиационных двигателей, наконец-таки, затих, сигнализируя о том, что их летательный аппарат совершил мягкую посадку.

– Господа и дамы, примерно через две с половиной минуты, когда на табло загорится зелёная лампочка, можете пройти на выход! – торжественно и важно объявил красивый мужской баритон. – Прошу не толкаться и соблюдать очерёдность! Всего вам хорошего! До новых встреч!

По длинной алюминиевой лесенке Тим – из-за врождённой нелюбви к сутолоке – спустился одним из последних, закурил сигарету и с интересом огляделся по сторонам.

Конец мая месяца для полуострова Аляска – только лишь ранняя весна. На юге он разглядел тёмно-синий кусочек моря, со всех других сторон Света к аэропорту подступали скалистые горбатые сопки, местами украшенные солидными снежными шапками. Да и вдоль лётного поля гордо красовались островерхие светло-жёлтые сугробы.

Длинный голубой «линкольн» образца 1998-го года – с неразговорчивым усатым таксистом за рулём – доехал до нужного места ровно за двадцать пять минут, резко затормозив у светло-зелёного куполообразного здания. Рядом с входной двустворчатой дверью висела помпезная табличка с текстом на английском языке: – «ЮНЕСКО. Департамент Научных Исследований».

«Всё верно», – отметил про себя Тим. – «Именно из этой славной организации и пришёл вызов. Вернее, любезное приглашение (с прилагающимися к нему билетами на различные виды транспорта), явиться на собеседование...».

На стандартной проходной равнодушный механический голос невозмутимо предложил:

– Мистер, посмотрите, пожалуйста, направо, на зелёную пластину. Аппарат зафиксирует картинку радужной оболочки ваших глаз.... Господин Белофф, добро пожаловать! Проходите!

Скоростной лифт доставил его на десятый, самый верхний, судя по кнопкам на лифтовой панели, этаж. Короткий коридор, поворот, ещё один.

У нужной двери обнаружилась невысокая худенькая девица с небрежно-растрёпанной копной чёрных жёстких волос на голове, державшая в одной руке жестяную банку с краской, а в другой – выдавшую виды кисточку. Девушка, которой с ходу, ориентируясь на некоторые особенности угловатой фигуры и мальчишеский затылок, можно было дать лет двадцать пять – двадцать шесть, одетая в потёртые голубые джинсы и клетчатую рубашку-ковбойку, увлечённо выводила на светло-зелёной двери крупные ярко-красные буквы – «АСТ». Вернее, уже обводила, укупная.

Девица, резко обернувшись на шорох шагов, одарила Тима внимательным (и одновременно дерзким), взглядом больших и выразительных тёмно-карих глаз.

«Маленький нос, скупой покрытый рыжими веснушками, чувственный рот, слегка заострённые скулы», – машинально отметил Тим. – «Симпатичная, в общем-то, если, конечно, не придирается по пустякам и мелочам... Только ещё, очевидно, и очень скандальная при этом. Отвязанная и своевольная стервочка такая...».

– Тимофей Белофф! – уверенно объявила черноволосая симпатяшка. – Рада тебя видеть и всё такое прочее. Типа – заждалась и практически подпрыгиваю от радости и неземного восторга. А зовут меня – Милена Пандева. Природная болгарка, как легко догадаться по характерной фамилии... Итак, добро пожаловать, коллега, в наше славное и перспективное АСТ! – небрежно ткнула указательным пальцем в ярко-красные буквы, после чего им же надавила на крохотную тёмно-фиолетовую кнопку, чуть выступавшую из светло-бежевой гладкой стены.

Дверь незамедлительно «спряталась» в стену.

– Проходи, юноша. Не стесняйся, – любезно предложила девушка. – Будь как дома.

Просторное помещение напоминало обыкновенный среднестатистический офис: белый потолок с квадратными световыми панелями, пластиковые столы, стулья и одёжные шкафы, компьютерные мониторы на столах, три овальных окна, парочка стандартных светло-зелёных дверей. А, вот, боковые стены этой комнаты были, безусловно, приметными: какие-то светлые и тёмно-серые параллелепипеды, выстроившиеся в идеально-ровные ряды.

– Информационное хранилище? – указывая взглядом на одну из стен, предположил Тим. – Наверное, очень ёмкое?

– Да, самая последняя разработка. Содержит в себе всякого и разного – чёрт знает сколько килобайт с сотней-другой нулями после первого знака, – небрежно сообщила Милена и, хитро-ехидно усмехнувшись, уточнила: – Это, что же, юноша, все твои вопросы?

– А вот, к примеру, аббревиатура – «АСТ».... Что она, собственно, обозначает?

– Агентство Столетних Тайн. Это я сама придумала. Чисто от скуки. Правда, красиво?

– Красиво, спора нет, – вежливо улыбнувшись, согласился Тим. – Только от этого, милая коллега Пандева, извини, понятней не становится. Причём, ни на грамм.... Вот, ты сама подумай. «Департамент Научных Исследований ЮНЕСКО» – организация, безусловно, серьёзная и уважаемая – приглашает на собеседование. Прилетаешь, а тут, понимаешь, какое-то «Агентство Столетних Тайн».... Каково? Особенно учитывая, что на вашу Аляску я добирался с западного побережья Антарктиды. Совсем не ближний Свет, между нами, коллегами, говоря.... Это что же, шутка такая? Типа – очень-очень смешная? Хорошо, пусть будет твоёму. Считаю, что я весело и беззаботно смеюсь. Ха-ха-ха.

– А ты – симпатичный, – окинув его рослую фигуру заинтересованным женским взглядом, сообщила Милена. – Только какой-то...м-м-м, слегка хрупкий и романтичный. Брутальности тебе, парниша, не хватает.

– Спасибо за заботу о моём облике. Непременно постараюсь исправиться.... Поможешь?

– Почему бы и нет?

Девушка подошла к ближайшему компьютерному монитору, секунд десять-двенадцать поколдовала над кнопками клавиатуры, уверенно протянула руку к глубокому лотку принтера, вынула из него два листа светло-зелёной бумаги и, протянув их Тиму, спросила:

– Это ты писал?

– Да, почти два с половиной года тому назад, перед тем, как сесть за написание дипломной работы. Тогда через Интернет просочилась информация, что при ЮНЕСКО формируют рабочую группу по созданию Машины Времени. В том числе, и для участия в широкомасштабных научных экспериментах. Вот, я и написал заявление, что, мол, готов принять участие. Подробно объяснил – почему, как и зачем. Написал, вложил в конверт, заклеил его и отправил – заказным письмом – в штаб-квартиру ЮНЕСКО.... Впрочем, потом официально объявили, что имела место быть весёлая первоапрельская шутка. Не более того.... Надо так понимать, раз меня вызвали сюда, что тогда никто и не думал шутить?

– Это точно, – многозначительно и загадочно усмехнулась Милена. – Никаких дурацких и легкомысленных шуток. Всё всерьёз и надолго. И АСТ – лучшее подтверждение тому.... А я – старший научный сотрудник, отвечаю за проведение различных экспериментов, в которых задействованы всякие мелкие животные. В основном, мыши, пауки, муравьи и мухи. Потом всё подробно расскажу и покажу.... Ты же, как легко догадаться, являешься новым потенциальным сотрудником. То бишь, претендентом на высокую должность научного сотрудника и моего помощника. Ибо, как утверждает твоё расширенное досье, являешься талантливым и многообещающим зоологом.... Кстати, Белофф, а что ты делал на западном побережье Антарктиды?

– Я там – в своё время – проходил преддипломную практику. То бишь, старательно, тщательно и вдумчиво изучал тамошних пингвинов. Недавно, защитив расширенный диплом, получил звание магистра и полетел – на одну из американских антарктических научно-исследовательских станций – договариваться о приёме на постоянную работу. А тут – ваше любезное и интригующее приглашение. Бросил, понятное дело, всё и отправился на Аляску.

– Молодец, Белофф, сообразительный мальчик. Практически вытащил выигрышный лотерейный билетик. Будешь, так сказать, стоять у истоков великого открытия. Со всеми вытекающими....

– А почему – «Столетних Тайн»? – проявил дотошность Тим.

– Да, просто так, – беззаботно и белозубо улыбнулась девушка. – Шутка юмора такая. Болгарская насквозь. Просто директор нашей службы – мистер Макс Гринберг – ужасно наивный, мечтательный и мягкотелый человек. Вот, я, пользуясь данным удобным обстоятельством, и изгаляюсь....

– Знаменитый профессор Макс Гринберг?

– Ага, он самый. Чудак законченный, задумчивый и обаятельный.... Хотя, знаешь, в каждой удачной шутке, как известно, есть только малая доля шутки. Ведь, когда Машина Времени, всё же, будет создана, то можно будет, действительно, вволю поразгадывать всякие и разные легендарные тайны, подаренные нам седым Прошлым.... Почему бы и нет?

– Поразгадываем, конечно. Не вопрос.

– Только, к сожалению, не скоро. Широкомасштабные работы по созданию Машины только начинаются. Предстоит на совесть потрудиться – годы и годы. Может, даже и десятилетия....

– Ничего, со мной процесс непременно ускорится, – пообещал Тим. – Многократно, ударно и знаково.... Кстати, а что я должен делать прямо сейчас?

– Пообщаться с уважаемым профессором Гринбергом, – Милена указала рукой на одну из светло-зелёных дверей. – За ней находится так называемый административно-хозяйственный блок. Пройдёшь по коридору до упора, повернёшь направо и сразу же упрёшься в кабинет шефа. Смело заходи, общайся, улыбайся. Постарайся его обаять, а также уверить, что ещё с самой младенческой колыбели всерьёз мечтаешь об увлекательных путешествиях по Прошлому и Будущему. Если получится, то Гринберг обязательно возьмёт тебя на работу. Потом оформишься: заполнишь с десяток хитрых анкет, подпишешь целую кучу всяких и разных обязательств о неразглашении, пройдёшь строгую медкомиссию, а также прослушаешь подробный и нудный инструктаж. А после этого – милости прошу в мою лабораторию. Будем усердно и вдумчиво работать-экспериментировать. За правой дверкой, как раз, он и располагается – наш научно-исследовательский блок.... Всё, юный коллега, иди, не теряя времени. Потом пообщаемся.... Удачи!

Тим прошёл по коридору и, подойдя к нужной двери, нажал указательным пальцем на приметную ярко-красную кнопку, вмонтированную в дверной косяк.

Дверь послушно распахнулась, и равнодушный механический голос объявил:

– Входите, господин Белофф. Вас ждут.

«Кабинет – как кабинет», – войдя, мысленно усмехнулся Тим. – «Просторный стол для переговоров, массивное кожаное кресло в торце, офисные стулья, пластиковые стеллажи, под завязку забитые всякой бумажной ерундой, на стене – поясной портрет Генсека ООН. Всё говорит о том, что здесь обитает господин Большой Начальник...».

В кожаном кресле обнаружился важный и солидный тип – в строгом тёмно-синем костюме и с ярко-выраженными чудаковатыми залысинами.

– Здравствуйте, господин профессор, – вежливо поздоровался Тим. – Вы совсем не изменились. Помню все ваши лекции. Вы нам – в Университете Ройал-Роудс⁶, три с половиной года тому назад – читали двухмесячный курс лекций.

– О, мистер Белофф! – отодвинув в сторону толстый блокнот-ежедневник и педантично надел на перьевую ручку массивный колпачок, обрадовался Гринберг. – И я вас прекрасно помню. Особенно ваши каверзные и въедливые вопросы.... Значит, закончили-таки Университет? Давайте вашу мужественную ладонь. Сочту за честь – пожать её.

После рукопожатия профессор предложил:

– Присаживайтесь, молодой человек, присаживайтесь. Пообщаемся. Обменяемся, так сказать, мироощущениями и мнениями....

Процесс общения и обмена растянулся на добрых полтора часа: вопросы, ответы, монологи, жаркие научные споры теоретической направленности.

– А теперь я хочу слегка похвастаться, – по-мальчишески улыбнувшись, заявил Гринберг. – Первыми, так сказать, достигнутыми реальными успехами.

Он нажал на зелёную кнопку крохотного пульта, после чего в правом углу кабинета ожил и загадочно замерцал прямоугольный экран телевизионного монитора...

Лето, знойное и беспощадное лето. Высокое белёсое небо над головой, в небе кружит бесконечная стая иссиня-чёрных ворон, знойный ветер настойчиво царапает лицо...

И это – только рассвет.... Что же будет дальше?

Два войска – стройными рядами – замерли друг напротив друга: копыта, луки, кольчуги, остроконечные шлемы – блестящие на солнце, разноцветные знамёна – развевающиеся на ветру.

Два всадника, отделившись от противостоящих воинских рядов, скачут навстречу друг другу, останавливаются, съехавшись посередине свободного пространства. Оба высокие и широкоплечие, в самом расцвете сил. Один – типичный представитель монголоидной расы, а в жилах второго течёт весёлая турецкая кровь.

Турок презрительно смотрит на знамя, закрепленное за спиной монгола: на тёмно-синем фоне изображён упитанный золотой дракон.

– Какая наглость, Тимур, думать, будто бы тебе одному принадлежит весь этот Мир, – презрительно тыча толстым пальцем в направлении дракона, брезгливо кривится турок.

Монгол, кивая головой в сторону турецких знамён, невозмутимо отвечает:

– Ещё большая наглость – думать, что тебе принадлежит сама Луна...

А потом была битва.

Нет, если внимательно проанализировать увиденное, то «битва» – весьма слабое и неполное определение для этого величественного и грандиозного зрелища-события.

Сеча.... Кровавая и Безжалостная Сеча.... Рубка, Вакханалия, Бойня, Армагеддон...

Яростно звенели клинки, встречаясь с булатом других клинков. Ломались копыта, пробивая насквозь тела врагов. Хищно свистели чёрные стрелы, впиваясь в лица противников (стрела – прямо в глаз – обычное дело!). С оглушительным треском лопались кольчуги, раз-

⁶ – Университет Ройал-Роудс – канадский Университет, расположен в городе Виктории, столице провинции Британская Колумбия.

летаясь на сотни и тысячи светлых полуколец. Кровь, крики, стоны, хрипы, боль.... Горестно ржали умирающие лошади – о своих сломанных стройных ногах. Утробно ревели раненые лохматые верблюды, из чьих уродливых горбов, насквозь пробитых шальными стрелами, хлестали целые фонтаны хрустально-чистой воды...

С десяток неуклюжих слонов, на спинах которых восседали невозмутимые желтолицые воины, проследовали куда-то, задумчиво покачивая своими серыми гигантскими ушами и сметая всё и вся на своём пути...

Кровь, стоны, хрипы, пикирующая стая воронья, вой, вопли, стоны, кровь...

В какой-то момент битвы монгольские воины на правом фланге дрогнули и обратились в бегство. Турецкая отборная кавалерия, отчаянно визжа, неудержимо устремилась вперёд, преследуя беспорядочно-отступавшего противника.

И, вдруг, случилось нечто, чему и имени-то нет – на языке человеческом. Прямо из воздуха, словно бы из ниоткуда, на небе возник огромный златогривый дракон и, сонно поводя из стороны в сторону массивной головой, дунул ярким огнём, который, впрочем, не причинил наступавшим ни малейшего видимого вреда.

Но турецкая конница, деморализованная этим неожиданным событием (чудом, казусом, видением?), тут же отхлынула назад. Подошли свежие монгольские резервы, и битва-сеча разгорелась с новой силой...

Только когда тёмно-малиновое солнце задумчиво зависло над далёкой линией горизонта, тёмные знамёна, украшенные серебряными полумесяцами, поникли. А потом, и вовсе, упали на землю и были безжалостно втоптаны в грязь десятками тысяч конских копыт.

Со стороны, где размещались обозы разгромленной турецкой армии, раздались звонкие вопли насилуемых женщин.

Кровавый спектакль подошёл к своему логическому финалу, придуманному неизвестным Драматургом.

Заходящее за горизонт багровое, неправдоподобно-большое и тяжёлое солнце. Иссиня-чёрные вороны. Острый запах крови. Тёмно-синие знамёна, украшенные золотыми драконами, гордо реюющие на знойном ветру...

Гринберг нажал на красную кнопку пульта управления, плоский экран телевизионного монитора послушно погас, а профессор, выжидательно прищурившись, спросил:

– Ну, что, коллега Белофф? Узнали двух главных героев этого короткого, но очень познавательного и правдивого документального фильма?

– Один из них, несомненно, Хромой Тимур⁷, он же – легендарный Железный Хромец. А, вот, кто второй, извините, не знаю. История Средневековья никогда не являлась моим любимым коньком. Одно не подлежит сомнению, он – турок.

– Это был Баязид Молниеносный⁸, знаменитый турецкий эмир, личность достаточно масштабная и известная. Впрочем, это сейчас не важно. Нас – в данном конкретном случае – интересует только фигура Аксак-Тимура, или же Тамерлана – как его называли многочисленные враги.... Вы заметили амулет, из которого «выскочил» дракон? Вернее, оптический фантом дракона, не более того.... Не заметили? Ай-яй-яй! Учёный всегда и везде обязан быть наблюдательным.... Ладно, коллега, не грустите. Исправим ситуацию. Помощь уже в пути...

Гринберг вновь пощёлкал кнопками пульта, после чего на телевизионном экране возникло укрупнённое изображение выпуклой груди великого полководца.

⁷ – Хромой Тимур (Тамерлан) – среднеазиатский завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. Выдающийся полководец и эмир. Основатель Империи и династии Тимуридов, со столицей в городе Самарканде.

⁸ – Баязид Молниеносный – османский султан, в 1402-ом году его армия была разбита войсками Тамерлана, а сам Баязид был пленён.

– Некий могущественный амулет, подвешенный на толстой золотой цепочке? Или же талисман? – пессимистично усмехнулся Тим. – Одна трубка жёлтая, гладкая, возможно золотая. Вторая – серебристо-тусклая, густо-испещрённая неизвестными древними письменами, допустим, что платиновая. Ерунда какая-то, на мой частный взгляд...

– Не торопитесь со скоропалительными выводами, молодой человек. Смотрите, что будет дальше. Внимательно смотрите.

Руки в кожаных перчатках, усыпанных грубыми бронзовыми заклёпками, уверенно стащили цепочку с жилистой шеи, после чего сняли с цепочки – одну за другой – трубки.

– Сейчас будьте предельно внимательны, – предупредил профессор.

Вот, трубки – с громким щелчком – соединяются в единое целое. Рука в кожаной перчатке вытягивается – градусов под шестьдесят-семьдесят по отношению к линии горизонта. Хриплый голос начинает что-то неразборчиво и монотонно нашептывать на неизвестном горланном языке. С кончика талисмана – прямо в бездонное небо – неожиданно срывается тонкий светло-голубой луч. Где-то вдали появляется-вспыхивает жёлто-золотистый силуэт гигантского дракона...

Гринберг остановил просмотр и, непонятно вздохнув, пояснил:

– Так он, знаменитый талисман Цо-Могул, и работал. Согласитесь, в пятнадцатом веке такие оптические фокусы впечатляли.

– Это уж точно, без сомнений.... А откуда, пардон, пирожки?

– Какие ещё пирожки? Шутки шутить изволим? Берём пример с ехидной сотрудницы Пандевой?

– Это я про кино, – смутившись, уточнил Тим. – В том смысле, а кто снимал этот красочный документальный фильм?

– Автоматическая видеокамера снимала, вмонтированная в.... Скажем так. Видеокамера, вмонтированная в специальную Капсулу, которая – в свою очередь – была отправлена в Прошлое. Потом (и это самое главное!), Капсулу удалось вернуть в Настоящее. Естественно, вместе с видеокамерой и заснятыми материалами. Подчёркиваю, с бесценными заснятыми материалами!

– Получается, что Милена во многом права.

– Простите, молодой человек? – насторожился профессор.

– Я имею в виду – «Агентство Столетних Тайн». Мол, с помощью Машины Времени можно будет приподнять завесу над многими древними и легендарными тайнами.

– Да, безусловно. Удастся приподнять. Без малейших сомнений...

– Вот, вы, профессор, говорили про Капсулу с вмонтированной в неё видеокамерой, – заинтересовался Тим. – А уже пробовали «перебрасывать» в Прошлое или Будущее, предварительно поместив в соответствующую Капсулу, живых существ?

– Пробовали, конечно, – откровенно загрустил Гринберг. – Всяких там мышек, пауков, лягушек и прочую мелочь. Но ничего толком не получилось. В том плане, что обратно возвращались лишь холодные трупы. Причём, они, скорее всего, образуются уже на первом этапе «транспортировки». Большие перегрузки и всё такое прочее.... Но закидать, по моему мнению, не стоит. Наоборот, надо работать дальше, на совесть засучив рукава. Тем более что существует ещё и достаточно-перспективное лазерно-лучевое направление.

– Лазерно-лучевое?

– Оно самое. По этому профилю, как раз, и работает уже знакомая вам сотрудница Пандева. Вот, с ней завтра и пообщаетесь. Мол: – «Как, что и почему?». А сейчас предлагаю – заняться скучной оформительской деятельностью. Готовы?

– Конечно, господин профессор. Давайте ваши анкетные бланки и формы всяких там секретных доступов-обязательств.... Кстати, а где я сегодня заночую?

– При нашем Департаменте имеется небольшой жилой блок для временного проживания. Правда, с насквозь спартанскими условиями. Ничего. Со временем подберёте себе что-нибудь получше. Или же вас – подберут...

С Миленой они встретились на следующее утро, возле входных дверей «Департамента Научных Исследований».

– Привет романтическим и трепетным юношам! – одарив его откровенно-кокетливым взглядом, поздоровалась Милена.

– И вам, госпожа начальница, доброго утра, – откликнулся Тим, а про себя подумал: – «Сегодня она выглядит совершенно по-другому. Такая стильная, элегантная и...э-э-э, сексуальная – это что-то. Вместо бесформенной клетчатой рубашки – яркий топик, плотно облегающий высокую грудь. А вместо драных джинсов наличествует коротенькая светлая юбочка, из-под которой выглядывают...м-м-м, ноги.... Нет, не так. Из-под которой выглядывают стройные, загорелые и совершенно-умопомрачительные ноги. Полный и окончательный отпад, короче говоря.... К чему бы они, такие внезапные метаморфозы? Ей-ей, неспроста...».

Проследовав через пропускной пост, они – на скоростном лифте – поднялись на десятый этаж и, пройдя через уже знакомую светло-зелёную (с ярко-красными буквами), дверь, оказались в холле «Агентства Столетних Тайн».

– Ты, надеюсь, уладил с начальством все бюрократические формальности? – мило улыбнувшись, спросила девушка. – Молодец, Белофф. Тогда нам направо...

Широкий и длинный коридор, многочисленные двери, украшенные прямоугольными табличками.

– С размахом работаете, – одобрительно пробормотал Тим. – Комплексно, масштабно и многогранно.

– А то, – остановилась около крайней двери Милена. – Нам сюда. Подожди, сейчас поднесу подушечку указательного пальца правой руки к считывающему сканеру...

На табличке значилось: – «Лаборатория №8. Близкое Прошлое. Близкое Будущее».

Они вошли внутрь. Дверь бесшумно закрылась.

Стол, стеллажи, компьютеры, мониторы, клетки с мелкими животными, пластиковые контейнера с насекомыми, громоздкие металлопластиковые шкафы, оснащённые пультами управления с многочисленными разноцветными кнопками-тумблерами, чёрные и цветные провода – везде и всюду.

– Похоже на зал управления какой-нибудь крупной атомной электростанции, – с любопытством оглядываясь по сторонам, прокомментировал Тим. – Только не хватает всяких красочных плакатов с доходчивым текстом, мол: – «Не влезай, убьёт!».

– Молодец, наблюдательный, – накидывая поверх топика короткий белый халатик, похвалила Милена. – Действительно, при активных экспериментах со Временем затрачивается ужас до чего много энергии.

– И при «капсульном» способе? И при «лазерно-лучевом» методе?

– Это точно. Вот – шкаф. Выбирай себе лабораторный халат по размеру. Не теряя времени, приступим к простейшим экспериментам. Так ты всё поймешь гораздо быстрее. Если даже и не всё, то, как минимум, суть стоящих перед нами проблем.

– А чем эти два способа-метода отличаются друг от друга? В глобальном, так сказать, понимании?

– В глобальном? Хорошо, попробую объяснить.... При «капсульном» объект перемещается (например, в Прошлое), в Капсуле. То бишь, в специальной полый ёмкости, которая потом – в строгом соответствии с заданной компьютерной программой – возвращается обратно, в Настоящее...

– Перемещается только один объект? – на всякий случай уточнил Тим. – Или же все объекты, находящиеся на момент осуществления эксперимента в Капсуле?

– Перемещаются, конечно, все объекты, – усмехнулась Милена. – И одушевлённые и неодушевлённые. Но одушевлённые, скорее всего, почти сразу же становятся мёртвыми. Впрочем, профессор Гринберг не теряет надежды на то, что всё – постепенно и планомерно – нормализуется.... Я же занимаюсь сугубо «лазерно-лучевым» методом переноса. Здесь всё просто. Ибо перемещениям подлежат только живые организмы. Успешным перемещениям, прошу заметить.... Так ты халат-то выбрал?

– Ага, вот.

– Тогда надевай и пошли. Будем, что называется, постигать теоретический материал на практике...

Возле дальней торцевой стены помещения располагался длинный-длинный металлопластиковый шкаф – с солидным пультом управления и несколькими тёмными стеклянными «окошками».

Милена щёлкнула серебристым тумблером, и за одним из «окон» загорелась ярко-жёлтая лампочка, освещая небольшую камеру-нишу с одиноким фарфоровым блюдечком, до краёв заполненным тёмно-жёлтыми зёрнами пшеницы.

– Ну, подчинённый, и чего нам не хватает – для проведения полноценного эксперимента? – заговорщицки подмигнув, спросила девушка. – Вернее, кого?

– Подопытного кролика, как я понимаю.

– Молодец, сотрудник Белофф. Возьми с полки сдобный пирожок с яблочным повидлом. В том смысле, что клетку с мышкой и доставь её сюда. Вон с того стеллажа.

– Пи-пи-пи, – скандально попискивала худая серо-палевая мышь.

– Она, похоже, голодная, – пристраивая клетку на поверхность пульта управления, संबодную от разноцветных кнопок, сообщил Тим.

– Конечно, голодная. Так и задумано. Типа – для чистоты планового эксперимента.... Не туда, коллега, ты поставил клетку с животным.

– А куда надо?

– Видишь, рядом с «окошком» – тёмно-синий квадрат? А над ним – кнопка? Нажми на неё.

– Ага. Образовался лаз.

– Приставляй клетку к этому лазу правым боком. Плотнее. Ещё плотнее. Теперь потяни за чёрный рычажок.

– Мышка в камере. С жадностью принялась за поедание пшеницы.

– Прикрой лаз тёмно-синим квадратом, – велела Милена. – Всё, убирай клетку. Можешь по-простому поставить её на пол.... Что дальше? Ничего хитрого и сложного. Просто наблюдай. Только очень внимательно, не отвлекаясь на созерцание моих стройных и загорелых ног...

Тонкие пальцы девушки уверенно и сноровисто забегали по разноцветным кнопкам. Послышались резкие щелчки переключаемых тумблеров. Металлопластиковый шкаф глухо и угрожающе загудел. Мышь, не обращая на назойливый гул ни малейшего внимания, продолжала с аппетитом поглощать пшеничные зёрна.

– Куда, если не секрет, задумала «перебросить» нашу крошечную подружку? – ощущая лёгкое волнение, поинтересовался Тим.

– В Прошлое. На двенадцать минут назад.

Камера постепенно заполнилась призрачным светло-лиловым туманом, откуда-то сверху «выскочил» (словно молния), ярко-жёлтый луч. «Выскочил» и на мгновение прикоснулся к серо-палевой шкурке зверька...

– Подопытный материал исчез, – дисциплинированно доложил Тим. – Ой!

– Что такое?

– Да, понимаешь.... Сперва пропала мышь. Но это было ожидаемо. А ещё, примерно через секунду, из блюдечка куда-то испарилась вся пшеница. Причём, до последнего зёрнышка.... Как такое может быть? Ты же сама говорила, что с помощью «лазерно-лучевого» метода во Времени можно перемещать только живые организмы.

– Какой же ты недогадливый, – улыбнулась девушка. – Ну-ка, попробуй немного пошевелить извилинами головного мозга. Итак. Грызун переместился на двенадцать минут назад. Причём, очень-очень голодный грызун...

– Мышка, находясь в Прошлом и не отвлекаясь на всякую ерунду, за двенадцать минут умяла всю пшеницу, которая – одновременно – находилась и здесь, и там?

– Молодец.

– То есть, искусственно изменяя Прошрое, мы – одновременно с этим – меняем и Настоящее? – задумался Тим. – И изменённое Прошрое, словно бумеранг, обязательно догонит Настоящее?

– Увы, но это так. Непременно и однозначно догонит.

– Как вернуть эту конкретную мышку обратно, в Настоящее?

– А что мы с тобой делали двенадцать минут назад? Вернее, уже десять?

– Ну, кажется, стояли около одёжного шкафа, где я выбирал себе белый халат...

– Халат выбирал? Ха-ха-ха! Уморил, – развеселилась Милена. – Ты, юноша озабоченный, только делал вид, что выбираешь. А на самом-то деле пялился – исподтишка – на мои безумно-стройные и идеально-совершенные ноги.... Если же серьёзно. Да, мышка вернётся. Я так задумала изначально. Сейчас мы с тобой – там, в Прошлом – подойдём к шкафу для проведения экспериментов. Я щёлкну серебристым тумблером, и за одним из «окошек» загорится ярко-жёлтая лампочка, освещая небольшую камеру-нишу, где оголодавшая серо-палевая мышка изволит жадно вкушать пшеничные зёрна.... Ну, что будет дальше? Угадывай, коллега.

– Ты «перебросишь» её из Прошлого – обратно в Настоящее?

– Конечно. Но это ещё не всё. Есть у меня ещё одна оригинальная задумка.

– Какая?

– Скоро узнаешь. Сюрприз, как говорится, будет. Ждём...

Прошла минута, вторая, третья.

– Ой! – торопливо поднося к глазам указательный палец правой руки, непроизвольно вскрикнул Тим. – Кажется, меня кто-то укусил. Причём, по-серьёзному, до крови.

– Аптечка вон в той тумбочке, – небрежно махнула рукой девушка. – Срочно продезинфицируй ранку и возвращайся.

Тим торопливо отрезал ножницами кусок бинта и, щедро полив его перекисью водорода, наспех обмотал палец.

– Эх, прозевал! – известила Милена.

Подойдя к шкафу для экспериментов, он широко улыбнулся и восхищённо покачал головой: в камере-нише, заинтересованно обнюхивая пустое блюдечко, смешно суетились две серо-палевые мышки.

– Как тебе, коллега, моя задумка?

– Элегантная, – признал Тим. – Да, здесь – непаханое поле. Для всяких и разных смелых экспериментов, я имею в виду.

– Хм, э-э-э..., – неожиданно замялась Милена.

– Что это с тобой, госпожа начальница?

– Ощущаю себя виноватой. Ну, за твой укушенный палец. Наверняка, это я тебя – там, в Прошлом – торопила с пересадкой второго грызуна в камеру.... Хочешь меня поцеловать? В качестве частичной моральной компенсации?

Они и начались – всякие и разные эксперименты. Изошрённые, разнообразные и навороченные, в том числе. В дневное время – научно-исследовательские. По ночам – в коттедже у Милены – постельно-сексуальные. Бывает, конечно...

Тим, пребывая в счастливом тумане, буквально-таки на крыльях летал и светился от счастья неземного. Даже начал песенки – собственного сочинения – тихонько напевать. Например, такую:

Она?
Она немного влюблена.
В меня? Я не узнаю никогда.
Хотя, дней пять всего прошло.
Смешно...

Она...
И словно зов – далёких стран.
Она.
И ветер в рваных парусах.
Сосульки – с незнакомых крыш.
Ты почему – молчишь?

Она?
Клавиш белых – не сосчитать...
Она?
Клавиш чёрных в помине нет...
Лишь морского бриза – печать.
Рассвет...

Она?
Клавиш белых – не сосчитать...
Она?
Клавиш чёрных в помине нет...
Лишь морского бриза – печать.
Рассвет...

А потом, где-то недели через три после начала их сердечных отношений, Милена не пришла на работу, а её мобильник упорно не отвечал.

Тим подошёл с вопросом к Гринбергу.

– Сотрудница Пандева? – отводя глаза в сторону, неожиданно засмутился профессор. – Взяла недельный отпуск. К ней муж прилетает. Кажется, надолго. Надо в коттедже прибраться. Подготовиться к встрече. То, сё.... Что у вас с лицом, Белофф? Вы не знали, что Милена Пандева замужем? Вот же, незадача....

Милена позвонила уже ближе к обеду, поздоровалась, как ни в чём не бывало, и сообщила:

– Некоторое время, милый, мы не сможем встречаться. Ко мне, знаешь ли, законный муж прибыл с визитом супружеским.... Но ничего, потом что-нибудь обязательно придумаем. В Анкоридже есть много мотелей, предназначенных для туристов и дальнобойщиков. А можно снять квартиру. Где-нибудь на отшибе, понятное дело.... Э-э, ты где? Отзовись...

– Ты готова прыгать из койки в койку? – немного помолчав, уточнил Тим.

– М-м-м.... А что у тебя с голосом? Всхлипнул, или мне показалось? Вот же.... Послушай, мальчик, заканчивай истерить. Пора уже и в мужика превращаться. В настоящего, сурового и брутального.... Ладно. Бывай. Захочешь – позвонишь...

Он и стал брутальным – сразу. Отключил мобильный телефон и стал. Благо природного русского упрямства было не занимать.

В тот же день Тим, воспользовавшись помощью Макса Гринберга, перевёлся в «Фонд охраны дикой природы», а ночью уже отбыл в Гренландию – на профильную станцию, расположенную в семидесяти пяти километрах от городка Нуук.

Норвежец Фред Енсен, прямой начальник Тима, много рассказывал ему о Шпицбергене, где сам ни разу не был, но очень мечтал побывать. Много, подробно и очень увлекательно рассказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.